

# Реальный миф Аркадий Бурштейн

*«Какие депрессии, Валентин?  
Жить и разбирать стихи-так интересно...»*

(Из переписки с В. Короной.)



«Лицом к лицу лица не увидать»?  
«Большое видится на расстоянии»?

Поставила вопросы после цитат, потому что они предваряют мою попытку рассказать, каким я вижу и кто для меня лично Аркадий Бурштейн.

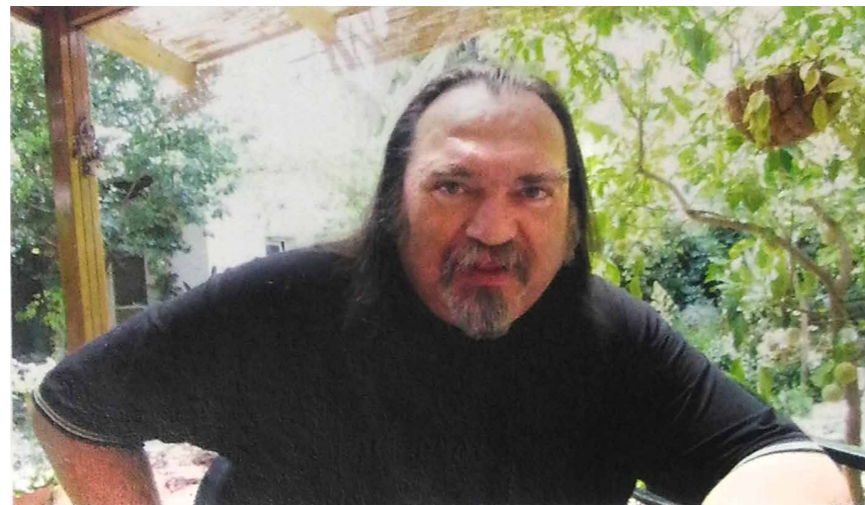
Даже не сомневаюсь, что все, кто лично знает Аркадия, тоже улыбнётся на второй строчке. А кто не знаком, улыбнётся, посмотрев на фотографию.

Я сама улыбнулась, прочитав в предисловии Елены Созиной к книге А.С. Бурштейна «Реальность мифа»:

«Имя Аркадия Бурштейна для определённого круга людей, живущих в разных городах Урала, и шире – России, Израиля и некоторых других стран, по сию пору почти что священо или, по крайней мере, весьма значимо. «По сию пору» – потому что оно приобрело свой немалый вес в 1980-е гг., когда человек, это имя носящий, жил в Свердловске, и сохраняло этот не измеряемый килограммами «вес» много позднее...»

«Этот не измеряемый килограммами «вес» Аркадия Бурштейна (а для друзей – просто Аркаши) и состоит в основном из идей, часто парадоксальных, несопоставимых на первый взгляд образов. Неистребимого желания поделиться, осчастливить всех теми россыпями драгоценностей, которые он давно добыл и добывает в недрах Культуры. И, главное, – доброты и истинной порядочности.

Я много лет знаю Аркадия Бурштейна. И спорить приходилось неоднократно. Иногда трактовка некоторых произведений вызывает у меня недоумение, а то и отторжение, но даже в этом случае – восхищение. Он так глубоко знает текст, тайны которого хочет раскрыть



читателю, так поглощён им, что чувствует себя даже не «подмастерьем в ... мастерской» автора, а гидом, который знает в ней все потаённые уголки, где он отыскал то, что до него глаз читателя не находил. Не случайно вторая глава его «Реальности мифа» так и называется: «В МАСТЕРСКОЙ». Иногда яркий луч его восхищения текстом падает под таким углом, что полудрагоценный камень кажется бриллиантом. Конечно, это только моё восприятие.

Лично мне, чтобы наслаждаться поэзией, не нужен метод, которым пользуется Аркадий Бурштейн. Но читала я эссе, как захватывающий детектив, в котором трудно угадать следующий ход сыщика. Думаю, и к Аркадию Бурштейну, задолго до желания анализировать, приходит, перехватив дыхание, удивление: в каких тайниках подсознания поэта находились эти образы?! Меня восхищает почти детское умение смотреть на давно известные вещи первозданным взглядом, увидеть всё полотно как будто сверху и сквозь собственное «волшебное стекло». Возможно, у автора «Реальности мифа» не только обострённое зрение, но и слух?

Свое эссе о «Диалоге» И. Бродского А. Бурштейн в скобках определяет как «медитацию над старым-старым стихотворением И. Бродского».

Не буду цитировать всё стихотворение.

*«В кронах, сказал я, в кронах  
темные птицы кричат.*

*Слетают с небесных тронов  
сотни его внучат».*

*«Но разве он был вороной:  
ветер смеется во тьму.*

*Что ты сказал о коронах,  
Слов твоих не пойму».*

Два ворона: Говорящий и Слушающий.

*«Крышу я делаю, крышу  
Из густой зелёной листвы».*

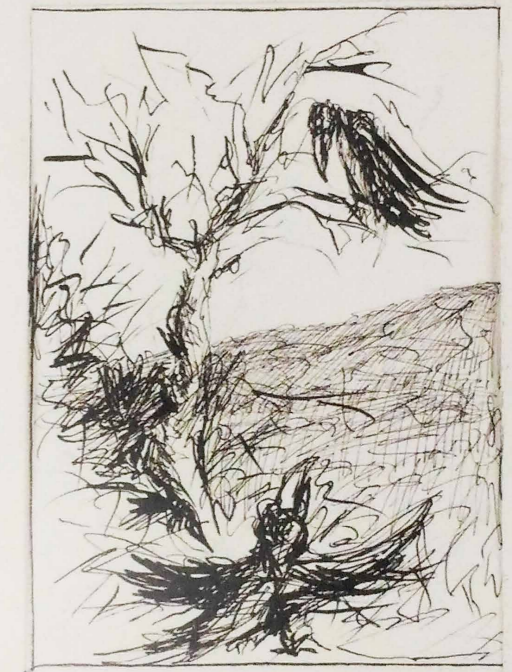
А другой ворон слышит: «Крону...».

Логичен анализ ошибки Слушающего.

«Крона – нечто, возвышенное над землёй, скрывающее, укрывающее, защищающее, кров для птиц». «Слушающий ошибается, но ошибка его странна. Крыша – то, что защищает, то, что возвышено над землёй, что закрывает, даёт кров –людям... Слушающий услышал сему, и услышал её правильно. Более того, далее в тексте Говорящий произносит слово «крыша»:

*«Крышу я делаю, крышу...».*

Так что же это за ошибка Слушающего, похожая больше на сверхзнание, на предвидение: он слышит то, что ещё не сказано, правильно воспринимая при этом сказанную сему». Услышать ДО сказанного... Мне это очень знакомо и понятно. Так умела читать Пушкина Марина



Цветаева. Это ей принадлежат слова:  
«Чтение – прежде всего сотворчество».

Да, мне не нужны методы ни А. Бурштейна, ни тем более его заочного друга В. Короны, чтобы сегодня, когда на душе тяжело, воспринимать стихи сквозь мелкую морось и туман, а, когда станет светлее, – в «бликах солнечного света». Но не восхищаться шлимановской страстью открыть, оторвать, вскрыть скрытое, даже если это окажется не Троей, не могу. Потрясает даже не столько редкая начитанность, сколько умение использовать весь огромный арсенал тщательно проработанных текстов многочисленных авторов, творивших в разные эпохи в разных странах. Я говорю не только об авторах анализируемых произведений, но и о тех, которые филолог, эссеист Аркадий Бурштейн привлекает для создания полноты картины, – пользуясь дру-

гой лексикой, - создания доказательной базы для своих выводов.

Гиблое дело – пересказывать чужой анализ текста. Я даже позволила себе нарушить порядок рассуждений автора. Я не пишу рецензию ни на работу в целом ни на эссе «Реальность мифа», давшее название книге. Мне важно было понять, как влюблённость в «шаманский стих», подкреплённая работой Юнга о наличии мифологических мотивов в снах современных людей и выводами психолога Джеймса Диза («Структура ассоциаций в речи и мышлении»), глубокое проникновение в тексты, скрупулёзное выявление в каждом семантических рядов, сем-идентификаторов, позволили автору сделать «любопытное заключение: пространство образов произведения искусства сродни пространству мифологического сознания». Я буквально с карандашом в руках внимательно прочитала пятую главу, которая, повторюсь, дала название книге.

Кому, по какому признаку пришло бы в голову объединить для анализа в одной главе стихотворения Марины Цветаевой «Бабушка» и... Михаила Светлова «Гренада», как это сделал Аркадий Бурштейн?! Приведу два фрагмента, которые, как мне кажется, помогают ответить на заданный выше вопрос. Перед каждым фрагментом привожу строки из соответствующих стихотворений (цитирую выборочно):

*Сколько возможностей Вы унесли  
И невозможностей – сколько?  
В ненасытимую прорву земли,  
Двадцатилетняя полька!  
День был невинен, и ветер был свеж,  
Тёмные звёзды погасли.*

*- Бабушка! – Этот жестокий мятеж  
В сердце моём – не от Вас ли?*

Марина Цветаева. Бабушка.

(Те, кто захотят подробно ознакомиться с анализом стихотворения, должны будут обратиться к книге «РЕАЛЬНОСТЬ МИФА. Избранные эссе». Москва- Екатеринбург. 2015. Глава 5, стр. 55.)

#### **А. Бурштейн. (Анализ 1).**

«...Мятеж для Цветаевой – быть «бездны мрачной на краю». Читатель может не поверить тому, что Марина Цветаева написала стихотворение о стремлении к невозможности живого одновременно быть мёртвым – это граничит с патологией. Да, граничит. И у Цветаевой действительно, видимо, граничило. Вот, что она писала в книге «Живое о живом» о Черубине де Габриак:

*«И последнее, что помню:  
- О суждено ль, чтоб я узнала  
Любовь и смерть в тринадцать лет!-»*

магически и естественно перекликающиеся с моим «Ты дал мне детство, лучше сказки, И дай мне смерть – в семнадцать лет!» С той лишь разницей, что у неё суждено (смерть), а у меня – дай».

#### **А. Бурштейн. (Анализ 2).**

Стихотворение Михаила Светлова «Гренада».

*Мы ехали шагом,  
Мы мчались в боях  
И «Яблочко»- песню  
Держали в зубах...*

Люди моего поколения, и даже мои ученики, воспринимали это стихотворение как дань поэта светлой романтике. Я не думаю, что А. Бурштейн случайно

после анализа стихотворения Цветаевой выявляет семы жизни и смерти именно в этом стихотворении Светлова.

Он наверняка знал, что Марина Цветаева просила Пастернака: «Передай Светлову, что его Гренада – мой любимый – чуть не сказала: мой лучший – стих за все эти годы». Если же это произошло случайно, то это подтверждает высказанную в эссе мысль автора: «...любое литературное произведение есть, прежде всего, результат ассоциаций». Не случайно А.Бурштейн приводит там же слова Ж. Адамара: «Всякая умственная работа влечёт за собой сотрудничество бессознательного».

Я в те годы (и не только в те) не сформулировала бы так ощущение, которое вызывает первая строфа, как это делает автор эссе: «Каждая из этих строк повторяет сему напряжённости. Причём насыщенность этой семьей возрастает в каждой следующей строке, пока не достигает апогея в образе зажатой в зубах песни. Сема напряжённости окрашена семьей смерти, содержащейся в слове «бой».

Интересно, как воспринимала эти четыре строчки и всё стихотворение Марина Цветаева? Что именно и чем отозвалось в её душе стихотворение Светлова?

*...Я видел – над трупом  
Склонилась луна,  
И мёртвые губы  
Шепнули: «Грена...»  
...Да. В дальнюю область,  
В заоблачный плёс,  
Ушёл мой приятель  
И песню унёс. ...*

*...Новые песни  
Придумала жизнь.  
Не надо, ребята,  
О песне тужить.*

Я давно должна была остановиться. Возможно, вообще не должна была цитировать труднейший текст Аркадия Бурштейна. Но как написать о человеке, не говоря о том, что было, есть и, уверена, будет главным в его филологических изысканиях, – ведь это важная сторона его Личности.

Предвидя возражения, которые возникнут при чтении даже этих приведенных мною фрагментов, процитирую самого автора:

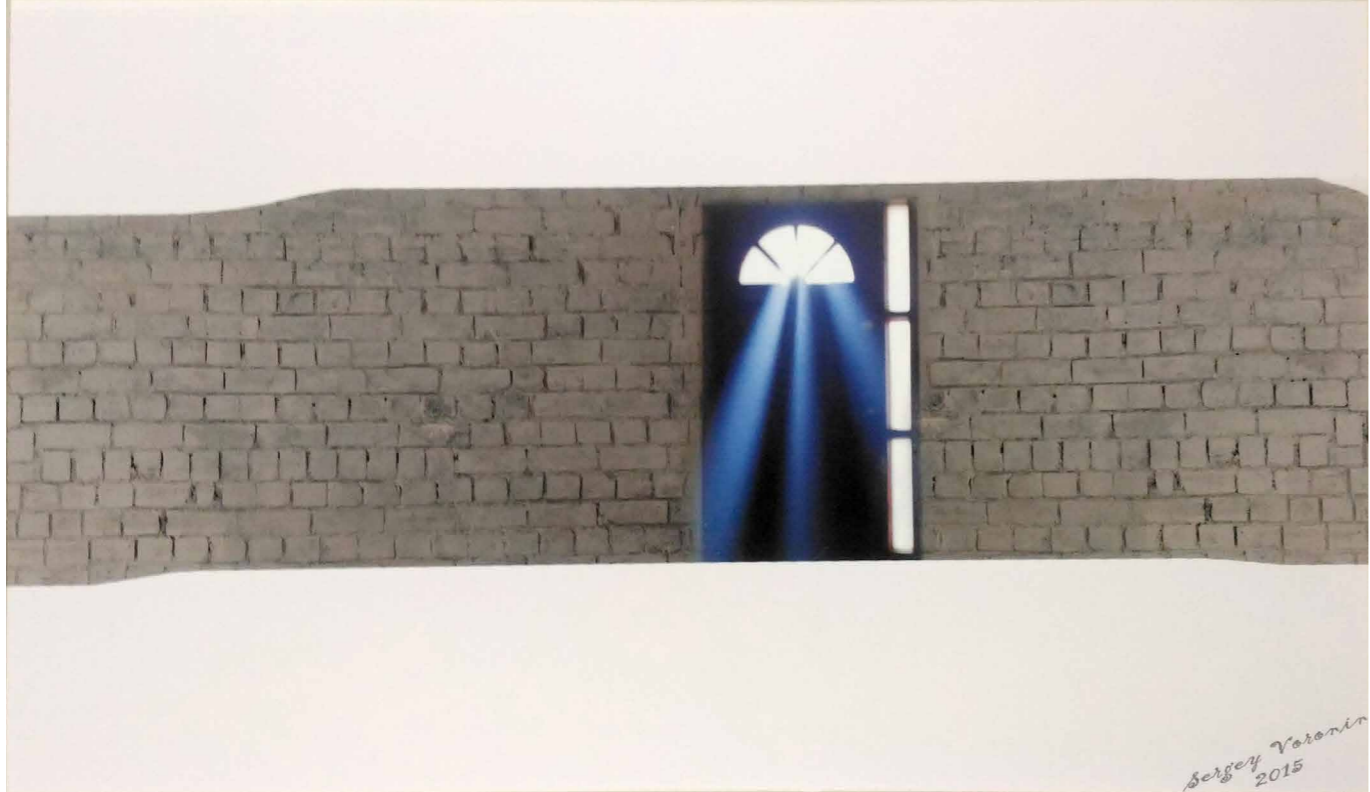
«Сразу ответим на вопрос, который, может быть, возникает у читателя: Да, наверняка ни Цветаева ни Светлов не задумывались. Но о жизни и смерти как необходимой составляющей Жизни думали наверняка.

И А. Бурштейн об этом думал, когда писал это эссе. И не только это.

**В** главе «Перед дверью» автор «Реальности мифа» поясняет, что шаманскими стихами он называет стихи, «содержание которых было или совершенно нейтрально, или с трудом поддавались логическому анализу, но которые, тем не менее, вызывали необъяснимо сильный эмоциональный отклик...

...Тайна воздействия подобных стихов близка к тайне воздействия заклинаний».

И он открывает «дверь, ведущую в святая святых шаманского стиха», анализом стихотворения Булата Окуджавы «Девочка плачет – шарик улетел».



«Итак, нам предстоит попытаться открыть дверь, ведущую в святая святых шаманского стиха...»

Аркадий Бурштейн  
2015

Впервые читая этот анализ, подумала: «А я ведь тоже увидела четыре портрета - четыре времени жизни. Но как четыре времени года. И, конечно, тогда я и не думала о том, что грядёт за той зимой, хотя, понятно, что старуха – зима не превратится в девочку – весну. Мне было пятнадцать, когда вышла пластинка с этой песней, я мечтала влюбиться. И строки « а шарик улетел», «А шарик летит» и даже «А шарик вернулся, а он голубой» вызывали совсем другие зрительные образы.

Потом, конечно, душа стала откликаться и на грусть, заключённую, кажется, внутрь самого шарика, и так быстро летящую жизнь.

Но эссеист Аркадий Бурштейн объединяет все строки словом «Утрата» . «Всё напрасно! Ничего вернуть нельзя».

Но шарик ведь вернулся?!

Да, «...шарик вернулся, а он голубой».

Читали, пели, протягивали голосом эти слова и видели голубой шарик на фоне синего неба.

Я до прочтения этой главы «Реально-

сти мифа», признаюсь, и не знала, что «в английском языке blue –«голубой» обозначает одновременно «грустный». И девочка, и девушка, и женщина, и старуха плачут.

Сегодня я уже на другом уровне понимаю то, что молодой учёный Аркадий Бурштейн, анализируя это короткое стихотворение, назвал «необратимой утратой».

И не только понимаю – вижу это в самом тексте.

«Я отношусь к тексту, как к живому организму, замкнутому космосу со своей системой кровообращения, и в моей модели кровь заменяет перетекание и колебание не Сомы, но – Семы».

Интересно, что сам Аркадий Бурштейн не считает себя учёным. «...замечательным исследователем и теоретиком литературы» он считает Валентина Корону, учёного-биолога, занимающегося морфологией растений и написавшего работу «Поэзия Анны Ахматовой: поэтика автовариаций». В одном из писем Аркадия Бурштейна по поводу этой

работы содержится и самооценка:

«Что ж, мне нравится ваш подход, вы рассматриваете проблему комплексно и сверху... Но боюсь, что я смотрю на анализ текстов более узко и романтично – так получилось. Я считаю себя не учёным, а литератором, и интересовала меня не наука, а поэзия». Всё. Волевым решением я останавливаю себя. «Реальность мифа» - книга не для лёгкого чтения на досуге.

В «Эссе о белом треугольнике» Аркадий Бурштейн признался: «...я безмерно ценю ум и интеллект...».

Прости, Аркадий, что вырвала слова из контекста. Это действительно твоё качество. И я ценю, что даже в случае - крайне редком, - когда ты ошибаешься в оценке, это всегда в плюс человеку, о котором идёт речь. Ты иногда... творишь миф о человеке, если он обладает умом, интеллектом и бесспорными качествами лидера. Думаю, ты осознаешь это сам, если «Эссе о белом треугольнике заканчиваешь такими словами:

«Книга Мамаева стоит на моей полке. Но некий страх мешает мне коснуться её. Я знаю, что никогда не прочту эту книгу. А вдруг окажется, что она плоха, и образ Мамаева, миф Мамаева разлетится вдребезги?».

Я не собираюсь творить миф Аркадия Бурштейна, как, повторюсь, не посягала на анализ или рецензию на книгу или отдельное эссе. Мне хотелось передать моё удивление перед способностью автора сопоставлять, казалось, несопоставимое и, пользуясь для анализа созданным методом, на примере литературных текстов говорить фактически о... работе двух полушарий мозга. Меня тоже не перестают удивлять люди, обладающие мощным интеллектом. Но

я не написала бы ни строчки, если бы это было единственным достоинством Аркадия.

В моей шкале оценок личности на первом месте стоят Порядочность и Доброта. Вот этими качествами Аркадий Бурштейн обладает в полной мере.

Говорят, с годами человек меняется. Меняется. Но всё-таки по заданному (кем? чем?) вектору.

В книге «Реальность мифа» есть рассказ «Падение», явно написанный молодым человеком. Молодым, но уже сделавшим свой главный выбор.

О чём этот рассказ? Всего 13 страниц, а одним предложением не ответишь. Это философское грустное размышление о том, как самые светлые порывы разбиваются о жестокую действительность.

Это эссе – вопрос. К нам, к самому себе.

Высоко на горе, в хижине, живёт старик – отшельник.

«Ночью прошёл дождь... Он отложил мотыгу, посмотрел на небо из-под руки. Цикады звенели, как во времена Тао Юань Мина, и синева неба, наверное, не изменилась за промелькнувшие века. Старик глубоко вздохнул. – А человек? – подумал он. – А человек изменился ли? Суетен мир, и куда ни посмотри – люди истребляют друг друга.»

Почему в рассказе упоминается Тао Юань Мин - поэт, творивший в первой половине пятого века?

*Что мнится иному сокровищем дивным,  
Порою для нас вовсе не драгоценность.  
И если мы с кем-то не равных стремлений,  
Способны ли с ним быть мы родственно-близки?*

Думаю, что не только ранний интерес к китайской поэзии отражён в рассказе. Сколько лет было автору? 25? Уже испыта-

ны первые разочарования в людях, а круг друзей, вероятно, только намечается.

Поэтому, мне кажется, в тексте звучат стихи не самого Тан Юань Мина, а живущего спустя три века Ли Бо:

*Среди цветов поставил я  
Кувшин во тьме ночной,  
И одиноко пью вино,  
И друга нет со мной.*

Я хотела проверить свою догадку, что автор цитировал по памяти. Нашла текст:

*Среди цветов поставил я  
Кувшин в ТИШИ ночной...*

Убедилась. И поняла, что слово ТьМА закралось не случайно.

Мы до тридцати лет, какими бы состоявшимися личностями ни были, всё ещё во тьме ощупью ищем ответы на главные вопросы и собственным опытом проверяем их правильность.

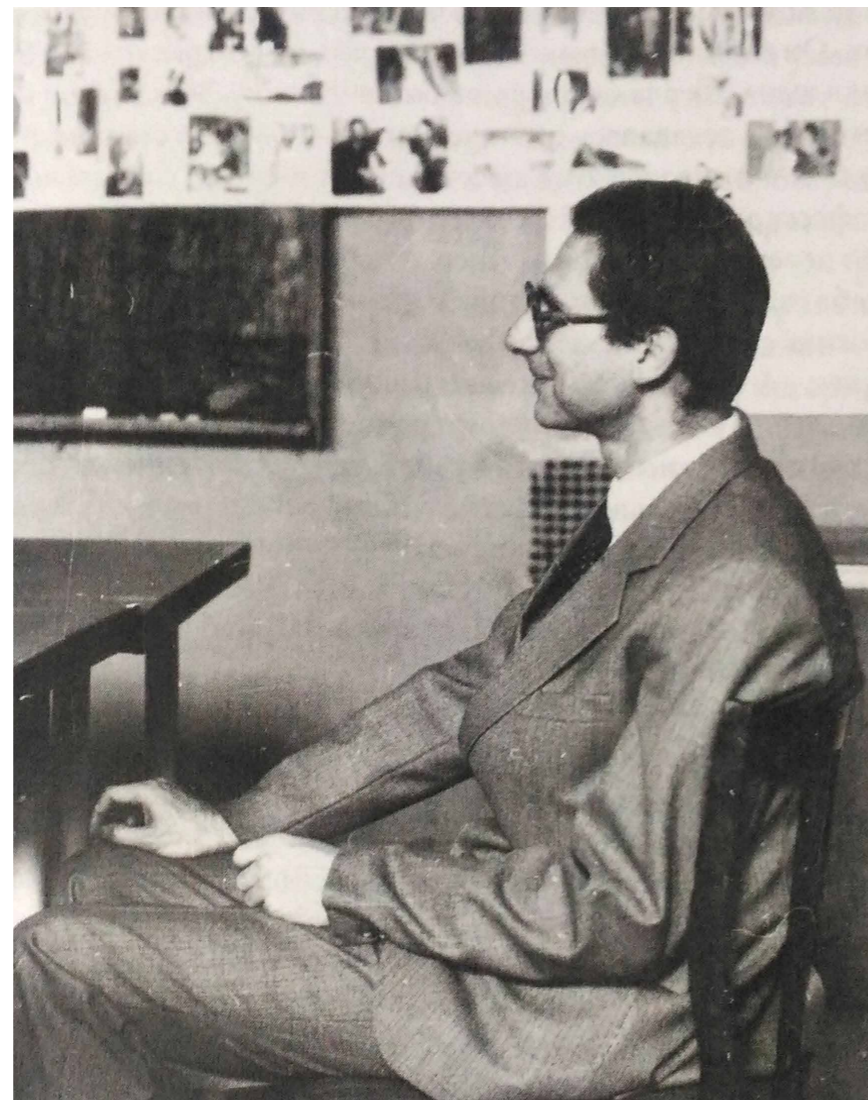
Но на главный вопрос, судя по рассказу, Аркадий тогда уже ответ нашёл.

Среди его приоритетов на первом месте стояла Дружба.

**П**ереписка с Валентином Короной началась с его вопроса автору «Реальности мифа» о возможности цитирования его текста. Два с половиной года до смерти Валентина Короны эти два рыцаря поэзии практически ежедневно обменивались письмами. Редкие перерывы в переписке вначале происходили потому, что... компьютер, с которого посылал письма живущий в Екатеринбурге В. Корона, был только на рабочем месте в лаборатории. Так естественно для Аркадия, узнав об этом, передать деньги на приобретение личного.

«Работы по поэтике текста А. Ахматовой» и относящиеся к диссертации биолога В. Короны статьи изданы в 2014. Это 688 страниц. Сто одиннадцать страниц – переписка между Валентином Короной и Аркадием Бурштейном. Самое потрясающее для меня в этой книге не сам метод В. Короны – он мне чужд, не попытка (на мой взгляд, неудачная) составителей познакомить читателя с Короной – биологом, а переписка двух искренне увлечённых, погружённых в поэзию людей. За несколько лет ежедневной переписки они стали друзьями.

Передать это несколькими цитатами невозможно. Сто одиннадцать страниц только фрагментов писем, которыми обменялись эти два человека за два года!



Вы когда-нибудь пытались упорядочить собственный не такой уж и обширный архив? Помните почти бессильное чувство невозможности решить эту проблему? Аркадий Бурштейн не просто откликнулся на просьбу редактора и автора предисловия Елены Созиной. Он за два месяца составил и упорядочил эти фрагменты. Мне трудно представить, сколько часов работающий (!) человек должен был оторвать от отдыха, да и ото сна, чтобы перечитать, отобрать и отредактировать почти ежедневную переписку за 2 года.

Но друг Аркадия Лев Урицкий, дав точное определение его личности, раскрыл секрет:

*«...у Аркаши три в одном:  
глубокий, добросовестный,  
трудоголик».*

А ещё, добавлю, необыкновенно щедрый на добрые слова, на восклицательные знаки в своих оценках человека. Несколько слов посвящения перед фрагментами переписки: «Светлой памяти Валентина Короны, замечательного исследователя и теоретика литературы, блестящего интеллектуала и человека, который безмерно много значил для меня.»

В приведенных фрагментах я не столько узнала новое об Аркадии Бурштейне, сколько о том, насколько значимой была его личность в Свердловске.

От **В.К.**

«...С Раисой Абельской познакомился случайно, через математика, интересующегося поэзией. У меня сложилось впечатление, что она не пишет тебе, потому что робеет или придаёт этому какое-то особое значение».

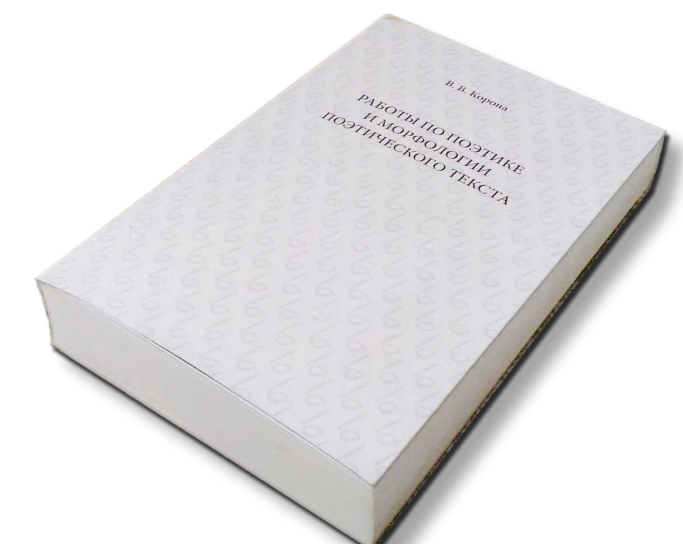
Валентин Корона не был знаком с Неллей Розенберг, как и она ни с ним, ни с его книгой, насколько я знаю. Но то, что вспоминает **Н.Р.**, подтверждает догадку В. Короны:

«Я познакомилась с Аркашей где-то во второй половине 1980-х в доме моей старшей сестры – поэта и барда Раи Абельской. У нее собиралась творческая компания, в которой Аркаша занимал особое место».

Когда два человека, знакомятся заочно, а 1999 году ни о каком скайпе разговор не шёл (у **В.К.** даже компьютера пока нет), они пытаются объяснить что-то важное о себе. Таково письмо А. Бурштейна В. Короне от 20. 11. 1999 (это уже одиннадцатое письмо в общей переписке всего за 5 (!) дней). Мне оно кажется очень характерным для Аркадия.

*«Привет, Валентин!*

*Действительно забавно...то, что надо же было двум жителям одного города, задавшимся одним и тем же*



не самым распространённым в мире вопросом, услышать друг о друге тогда, когда один из них уехал в другую страну. Впрочем, если так получилось, то наверно зачем-то надо было именно ТАК. О едином тексте, который писала Ахматова.

(Так утверждал В. Корона. Примечание **З.Д.**).

Я для себя понимаю это так: каждый художник всю жизнь описывает некий мир, космос. Этот мир с реальным не совпадает... Каждое стихотворение – высвечивает некую часть пространства этого мира... Видимо, именно этот мир Вы называете единым текстом».

Замечание Аркадия Бурштейна видится мне очень ёмким. Я не раз думала, глядя на, казалось бы, разные работы художника, что каждой из них он делится (возможно, подсознательно) - определённой частью своего мира. Только познакомившись со многими работами, мы можем получить представление о том, каким видел мир художник.

Не потому ли мы, дилетанты, узнаём и музыку любимых композиторов? И разве не свой космос осваивал Гауди?

Считая Виталия Кальпиди «огромного масштаба поэтом», Аркадий Бурштейн вынашивал идею вместе с поэтом «попытаться описать тот мир, который стоит за его стихами». Это цитата из того же письма Короне. Правда, Аркадий писал «у нас». Но я взяла на себя смелость уточнить авторство.

Дружбу с Кальпиди Аркадий называет «самой большой своей жизненной удачей». Думаю, что и В. Кальпиди

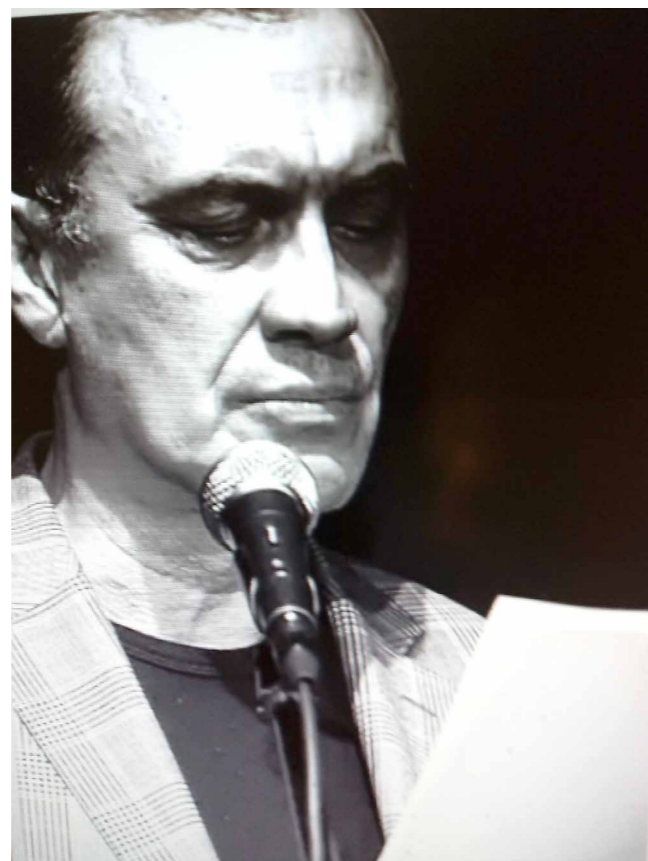
думает так же, потому что посвятил А. Бурштейну три стихотворения.

В «Письме в Натанию» он так и обращается:

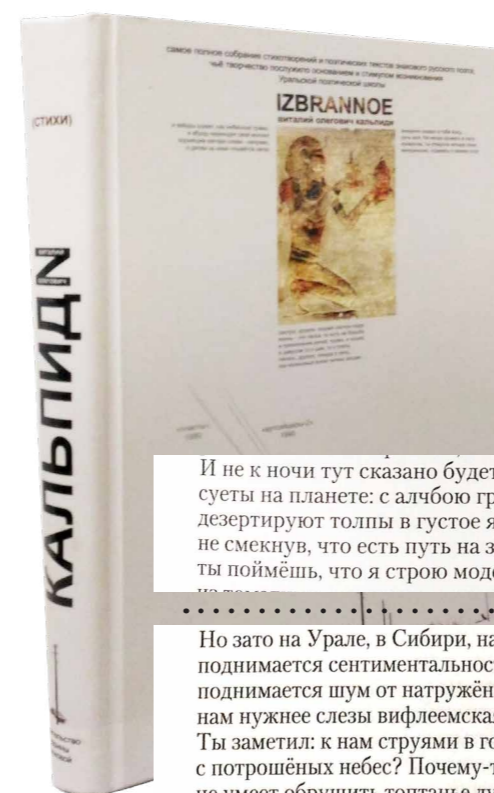
*Друг мой, Аркадий, прошу об одном:  
позволь мне не говорить красиво.*

Дальше, правда, речь пойдёт о его, Кальпиди, чувствах и мыслях. И только в конце две тёплые и даже грустные строчки:

*Нам с тобой повидаться и даже потискаться надо, невзирая на то, что  
не свидимся мы никогда.*



Кальпиди безусловно большой поэт. Но ни по стихам, ни по выступлениям, он не кажется мне слишком добрым и сентиментальным. И тем больше говорят о месте Аркадия в его жизни строчки из «Апологии ночи»:



И не к ночи тут сказано будет, Аркадий, по части суеты на планете: с алчбою грабителей индий дезертируют толпы в густое язычество Счастья, не смекнув, что есть путь на земле посерьёзней. Прикинь и ты поймёшь, что я строю модель кареглазого мира

Но зато на Урале, в Сибири, на жёлтом Алтае поднимается сентиментальность (так в подполудвале поднимается шум от натруженных легких). Аркадий, едва ли нам нужнее слезы вифлеемская суперзвезда. Ты заметил: к нам струями в гости приходит вода с потрошёных небес? Почему-то она водопадом не умеет обрушить топтанье дуришлачного стада.

И меня понимает в Свердловске печальный Аркадий. Он не плачет, но ждёт, когда слёзы глаза растворят. Его кухня ночная нужнее античных аркадий. Ох, цвет глаз уникальней, чем ими построенный взгляд.

#### ПИСЬМО В СВЕРДЛОВСК АРКАДИЮ БУРШТЕЙНУ

Этот день состоит из погоды, вина и болезни, он имел нас (в виду), заставляя на шум просыпаться. Интересно тебе, что в злых лужах, окрашенных селезнем при отсутствии селезня, мысленно можно купаться? Добывание денег: сестерциев, тугриков, гривен, полуумных рублей, что отлично меняют на водку... Интересно ли знать, что (блин!) в этом процессе игривом (рифма тут ни к чему) мы себе перерезали глотку, – тоже мне открыватель (штамп некуда ставить) затраханых истин: что ни фраза – туфта, или олово, или полова. Ты ответь, ну в каком языке, только быстро, слово «правда» все чаще лишь вводное слово – евтухнулся, привет! Где же ты, мой «масон», мой Аркадий? Кто теперь подтвердит мою версию об Агасфере:

*И меня понимает в Свердловске печальный Аркадий.*

*Он не плачет, но ждёт, когда слёзы  
глаза растворят.*

*Его кухня ночная нужнее античных  
аркадий.*

*Ох, цвет глаз уникальней, чем ими построенный взгляд.*

Валентину Короне и Аркадию Бурштейну «ночную кухню» заменил компьютер. При этом, как объясняет Корона, «сложность с компьютером в том, что он остаётся пока персональным, а не личным (почувствуйте разницу: персональный автомобиль и личный автомобиль)».

Не в этот ли момент Аркадий решил, что Валентину Короне необходим «личный» компьютер, а значит, нужно подумать, как передать деньги?

Но даже при ограниченном доступе у свердловского корреспондента к компьютеру по количеству и плотности их переписки - беседы превосходят многие - многие «кухонные».

Аркадий отказывается от титула первооткрывателя метода, ссылаясь на китайцев и Талмуд, и получает от В. Короны остроумный и глубокий ответ:

*«На эту сверхскромность хочу заметить, что вокруг меня нет ни одного китайца... Да и откуда такая уверенность, что там изложен именно этот метод? А если именно этот, то опознать его смог опять-таки только Бурштейн, настроенный на ту же волну. История не звучит, если здесь и сейчас нет человека, способного к тем же свершениям, а значит к опознанию подобного и его оценке... Без ныне живущего Бурштейна откуда бы мы узнали, что открытый (разработанный) им метод уже был известен толкователям Талмуда?»*

Переписка с В. Короной не открыла мне новые черты Аркадия, но точно подтвердила их.

От **А.Б.**

«Что касается публикации – то я исхожу из того, что если мир её хочет, то она произойдёт, а потому не надо поступаться достоинством и принципами, а если надо – то это означает, что просто она не нужна».

В этой удивительной переписке речь идёт не только об авторских эссе. В.Корона делится мыслями о своей работе биолога, А. Бурштейн – о трудностях, связанных с поддержкой его программ в сотнях различных мест.

И о поездке в Италию, которую в целом считает неудачной, но... Мне трудно удержаться, чтобы не процитировать короткое эссе о статуе Микеланджело «Давид». Оно мне кажется замечательным и в художественном и в человеческом плане.

О непропорциональных ладонях Давида писали и другие, а вот как объясняет это Аркадий Бурштейн:

«Единственное сильное впечатление оставил Давид Микеланджело. У скульптуры оказались непропорционально большие ладони, абсолютно не подходящие юному телу Давида. Разбитые тяжёлой работой ладони старого человека. И я вдруг увидел, что хотел сказать Микеланджело этой скульптурой. Лишённое эмоций, совершенно пустое лицо и разбитые старые ладони, непропорционально большие для тела Давида, не могли быть случайностью, непродуманным совпадением. Я увидел в Давиде человека, который готовил себя к достижению некой огромной цели, дела своей жизни, для которого он был создан и избран. И – вот цель достигнута, или вот-вот достигнута будет. И



что потом? Потом будет долгая, но по сути не имеющая значения жизнь, скорее – ДОЖИВАНИЕ. Что бы ни делал Давид далее – значения более иметь не будет, т.к в памяти поколений он останется победителем Голиафа. Можно построить царство, отнять чужую бабу, можно всё, что угодно. Эти руки сделали, что могли, выпустив камень из пращи. Всё остальное мог бы сделать и кто-нибудь другой. А пустое лицо – так это цель достигнута. Более нечего желать и жить, по сути не для чего. Вот, примерно, так я увидел Давида».

И маленькое добавление в другом письме В. Короне:

«О руках Давида – на меня они произвели шоковое впечатление в сочетании с прекрасным, атлетическим телом и юным, безмерно спокойным лицом. Я не могу не воспринимать это сочетание как говорящее о чём-то

экзистенциальном».

Пишу и думаю, что у многих может создаться впечатление об Аркадии как небожителя. Тем более, что одна его знакомая из Свердловска так о нём и отозвалась. А если ещё добавить, что своих детей, когда они были маленькими, Аркадий укачивал, читая им Мандельштама и Бродского?!

Но Аркадий всё-таки не небожитель. И не потому, что, закончив филфак, работал на заводе, потом освоил программирование, а в Израиле зарабатывал тем, что писал и поддерживал программы для управления аптечными складами. К слову, инвалидные стоянки в Тель-Авиве и самый нужный банк, для женщин, которые хотят стать матерью, в больнице «Ихилов», до сих пор работают по программе Аркадия Бурштейна.

Небожители вряд ли замечают, кому нужно помочь. А Бурштейн, узнав, что у В. Короны обнаружен рак, пишет:

«О, Боже, Валентин! Если я могу достать тебе какие-нибудь лекарства здесь – срочно напиши».

И через неделю:

«Я не врач, и мало что понял из присланной тобой выписки. Но если я могу что-нибудь сделать - найти, купить, переслать, то сделаю для тебя всё, что будет нужно и что смогу. Ты очень много значишь для меня, Валентин, и мне хотелось бы, чтобы ты знал об этом».

Как часто мы не успеваем сказать своим друзьям, что они значат для нас! Аркадий просит своего друга-тёзку Аркадия Козерчука обратиться к общему знакомому, чтобы тот тоже принял участие в покупке очень дорогих лекарств:

«Я тебе писал про Валентина Коро-

ну, которого я считаю выдающимся исследователем поэзии, правда? Так вот, он заболел раком печени. Для меня это страшная новость, так как я к нему отношусь, как к найденному в ночи брату, как к очень близкому человеку и единомышленнику, чьё существование придаёт смысл и моей жизни».

Увы, через 16 дней лекарства уже будут лишними. Я не знаю, попали ли эти слова А. Бурштейна к жене и сыну В. Короны, – хотелось бы. Когда теряешь близкого человека, это не утешение, но поддержка.

В наш жёсткий век, когда даже близкие люди ограничиваются короткими SMS, а то и лайками, да и на них покусываются, сто одиннадцать страниц переписки - ещё такой насыщенной, честной, заинтересованной, щедрой на похвалу! – не просто редкость. С каким интересом мы читаем сегодня переписку людей, живших в девятнадцатом – первой половине двадцатого века! Это и есть свидетельства времени. Много ли таких свидетельств останется от двадцать первого века?...

Намеренно сделала перерыв в несколько дней – ждала, когда свои «заметки к портрету Аркадия Бурштейна» пришлют друзья и знакомые Аркадия. Перечитала несколько раз присланное. Подумала, что можно было обойтись и без моего пространного текста. Порадовалась тому, насколько мнения об Аркаше совпадают. Но не удивилась: уж очень это цельная личность.

Пересказывать и даже напечатать в формате ФБ это невозможно. Конечно, Аркадий получит всё – до последнего

слова. А я читаю написанное друзьями и думаю: понимает ли сам Аркадий (и его взрослые дети), какое большое влияние он оказал на многих людей, каждый из которых и сам был состоявшейся личностью?

Я старше Аркадия. И в той жизни встречала хороших, умных, порядочных людей. Такими были наши друзья. И некоторые, слава Б-гу, и сегодня доставляют мне радость общения, хотя живём в разных странах. Не знаю, как и где я нашла бы похожий круг здесь. Но мне не пришлось искать. За меня всё сделал Аркадий. Почти все люди, которых я люблю, которые доставляют мне наслаждение своим творчеством, согревают и поддерживают, встречены в доме Аркадия и его жены Бэллы. Именно Аркадий всегда был «инициатором и вдохновителем» интереснейших встреч в клубе «Дон Кихот» и в их доме в Цоране.

Надо отдать Бэлле должное. Помню, она была уставшей после тяжёлой недели, болели её родители, и я сказала: «Бэлла, может, не стоит? Холодно, на улице нельзя, в доме труднее...» Она ответила: «Для Аркаши это удовольствие». Удовольствием это было для всех. И не только удовольствием.

Сначала собирались, чтобы послушать интересную лекцию или встретиться с поэтами, писателями, художниками в книжном магазине «Дон Кихот», потом клуб «Дон Кихот» переехал в мастерскую художника Миши Рапопорта. Я не была на всех встречах и не обо всех писала. Но если я решусь и успею собрать все эссе в книгу, это будет большой том с посвящением Аркадию Бурштейну. И не только потому, что создание клуба было его идеей. Но об

этом лучше сказала Неля Розенберг, вспоминая первые годы клуба в магазине «Дон Кихот»: «И мне было абсолютно ясно, что без Аркашиного участия вся эта затея не имеет никакого смысла. Только он мог быть ее духовным центром и двигателем. Клуб состоялся и просуществовал более 10 лет, вокруг него сформировалось определенное сообщество, и, в полном соответствии с моими представлениями, присутствие там Аркаши придавало всему происходящему особый смысл и привлекало новых, интересных, глубоких людей.

И несмотря на то, что теперь магазин закрылся, клуб «Дон Кихот» продолжает существовать, а люди и тексты, которые должны были остаться с нами, остались».

Мне понадобилось бы заполнить несколько страниц, перечисляя встречи, прошедшие даже не в клубе, а в



саду или в небольшом салоне Бурштейнов. Это при том, что я не всегда могла присутствовать. Да и познакомилась с Бэллой только в 97 году, а с Аркадием в конце 90-х.

К сожалению, давно ушёл Леонид Евсеевич Черкасский. Я не слушала его в том первом клубе. Но встречи с ним у Бурштейнов помню отчётливо. Есть люди, которые, появляясь, не только буквально освещают пространство, но впечатываются в сознание. Наверное, для того, чтобы мы не заблуждались на свой счёт.

У меня прямо над компьютером стоит книга Марины Рыцаревой (добрым отношением к ней и её мужу Сергеему Абиром очень дорожу). «Тайна патетической Чайковского». А ведь мы познакомились с этой «тайной» до выхода книги - в салоне Бурштейнов.

А Баха Марина и Серёжа играли там же ещё в 96 году. И салон не вместил всех, поэтому хозяин сидит на лестнице

В этом салоне и в этом дворе Серёжа Чесноков исполнял Галича и говорил о Пригове, Даниил Клугер делился своими балладами, Вадим Ваксман своими песнями.

А, главное, все со всеми делились теплом. И ощущалась та вибрация в воздухе, которая, нарушая все законы физики, возникает только тогда, когда собираются люди из одного «карраса». А когда Covid внёс изменения в течение нашей жизни, стали плотнее посты в ФБ, с которыми Аркадий спешит нас познакомить.

Поэты Серебряного века, Поэты первой волны эмиграции, исполнители романсов, ссылки на фильмы и книги. Кто-то говорит (и, наверное, справедливо)

## ДЕРЖИТЕ ДВЕРЬ ОТКРЫТОЙ

во!), что Аркадий - культуртрегер. Твёрдое на вкус слово, и холодное.

Арадий как-то при мне обронил слово «культуролог». Соглашусь при условии, что это не профессия, а призвание. Все говорят о почти детской радости, которую испытывает Аркадий, когда делится своим открытием в искусстве. Просто Аркадию Бурштейну нравится дарить что-то очень настоящее.

А самое настоящее в человеческом общении – это дружба. Два человека не всегда одинаково понимают, что значит это слово. И часто бывает, что дающий один. Если такое случалось в жизни Аркадия, то я знаю точно, что этим одним всегда был он.

**А**ркадий не может, не способен обмануть доверие ни взрослого, ни ребёнка, ни даже старого приبلудного пса. Какое отношение к так серьёзно начатому разговору об авторе книги «Реальность мифа», об Аркадии Бурштейне - серьёзном собеседнике учёного Валентина Короны, имеет приبلудный пёс? Так моё ещё заочное знакомство с Аркадием и началось с рассказанной моей коллегой Бэллой Бурштейн истории о том, как в их доме появилась вторая собака, ротвейлер Пит.

Эта семья любит собак. В то время была у них собака Джесси, ротвейлер. Через какое-то время, когда с ней гулял Аркадий, за ним пошёл старый, запущенный, явно больной ротвейлер. День шёл за ними, другой, а на третий Аркадий сказал Бэлле: «Я хочу взять его». Доводы, что собака больна, старая, а главное, может, воспитана на агрессию, - не помогли. Повели к ветеринару, который сказал, что жить ротвейлеру

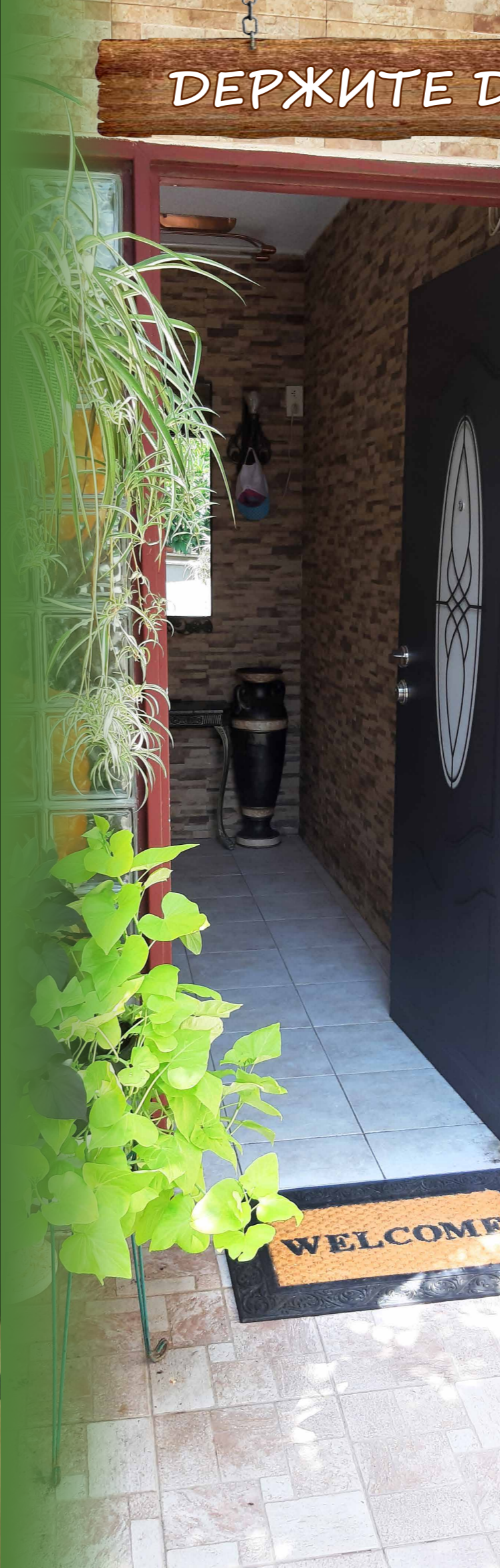
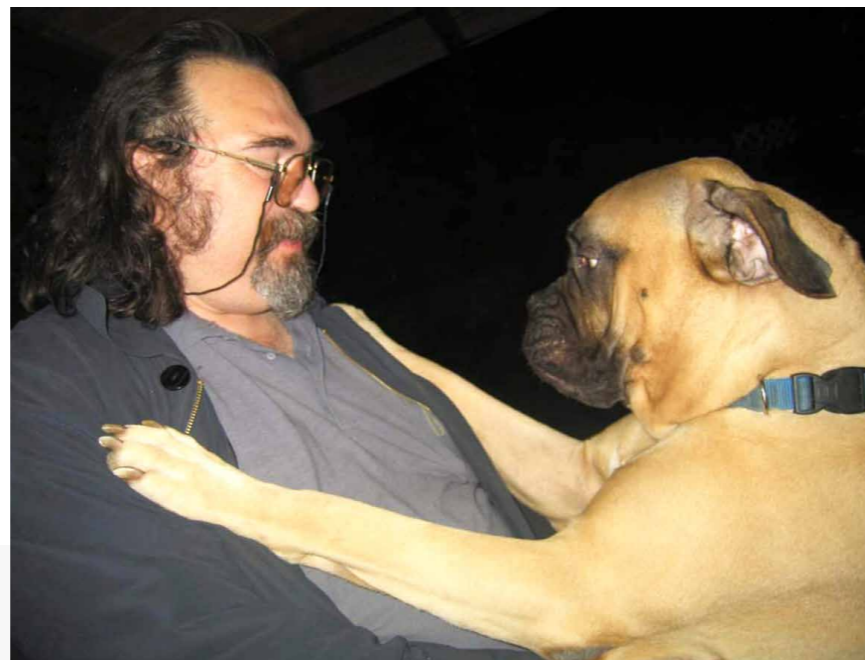
месяца три-четыре и он не советует брать. Но собака уже смотрела на Аркадия преданными глазами.

Построили на участке будку. Назвали Питом.

Аркадий вычёсывал и купал Пита, а тот полюбил не только его, но и Джесси. Бэлла смеялась, что у Аркадия и Пита даже походка была одинаковая. Но однажды Пит исчез. Вероятно, калитка была открыта. Жаль, но что поделать...

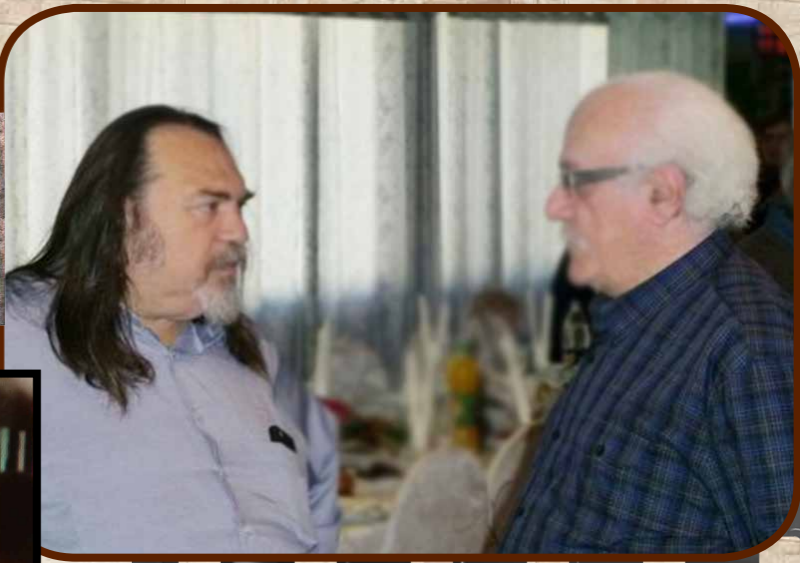
Но Аркадий именно ДЕЛАЛ. Он обзвонил всех знакомых в Израиле (???). Он выяснял, был ли отлов бродячих собак в Цоране и куда повезли. Выяснил: в... Петах-Тикву. Помчались туда. Успели. Потому что Пита готовили к усыплению. Бэлла говорит, что слёзы стояли в глазах и Аркадия и Собаки. Пит прожил ещё полтора года. Полтора года подаренных ему человеком, умеющим дружить. Так что, Аркадий, это тот случай, когда я тебя полюбила ещё до знакомства.

Это признание не помешает мне с тобой спорить, как и тебе съязвить при первом удобной случае. Главное, что это самое слово – «дружба» мы понимаем одинаково.





Welcome Friends



А теперь пора, как на торжественных собраниях принято говорить, предоставить слово друзьям. И тем, которые знают тебя куда дольше и ближе, чем я, и уже израильским, которым ты помог встретиться со мной, как и мне с ними.



**АЛЕКСАНДР БОРЗОВ.**

*«Мы с Аркадием дружим уже больше полувека. Меня привлекала в нём интеллигентность, искренность и умение распознать в человеке потенциальный талант. Он щедро делился своими обширными литературными познаниями. С ним всегда было очень интересно.*

*Ещё со студенческих лет нас объединило увлечение культурой андеграунда, зарубежной эстрадой и эмигрантским шансоном: Лев Лещенко, Борис Рубашкин, Татьяна Иванова, Юл Бриннер и Алёша Димитриевич. Во время брежневского застоя он доставал самиздатовские копии запрещённых книг, например, «Доктор Живаго».*

*Конец 60-х в СССР, время романтизма и надежд: страна открывалась внешнему миру, и в культуре царил большое оживление. Аркадий закончил филологический факультет Уральского университета. Меня поражали его обширные познания в поэзии и мифологии.*

*Мы с Аркашей похожи тем, что оба работаем со словом и смыслами: я перевожу с английского, а он с поэтического. Выпускник университета добывал хлеб насущный, работая оператором прокатного стана на Верх-Исетском металлургическом заводе, а в свободное время увлечённо работал над собственной уникальной методикой понимания глубинного подсознательного смысла художественных текстов. Я впервые воочию наблюдал захватывающий процесс творчества и читал результат прямо из принтера! Его анализ «шаманских» стихов Лермонтова, Мандельштама, Галича, Бродского и других - это как параллельная художественная вселенная! Его книга «Реальность мифа» занимает почётное место в моей библиотеке.*

*30 лет назад жизнь развела нас в разные стороны: он уехал в будущее, а я остался в прошлом, но духовная связь с Учителем не прервалась. Аркадий много работал, и его творчество получило заслуженное признание. У Аркадия много друзей и почитателей в разных странах.*

*Заниматься любимым делом и творчеством - наверное, это и есть счастье»*



**НЕЛЛЯ РОЗЕНБЕРГ.**

### **«Вступительное слово на презентации книги «Реальность мифа».**

*Мне было поручено объявить сегодняшний вечер – презентацию книги Аркадия Бурштейна «Реальность мифа». По-видимому, на мою долю выпало что-то вроде почетной синекуры - представлять Аркашу, которого все здесь и так знают и любят. Но я все-таки скажу несколько вступительных слов со своей отдельно стоящей маленькой колокольни. Дело в том, что я, в отличие от большинства присутствующих, впервые прочитала «Реальность мифа» и познакомилась с Аркашей в каком-то очень юном возрасте. И мне кажется, это как раз довольно интересно, потому что здесь есть некая чистота эксперимента. В юности ты поглощаешь духовную пищу без разбора, не умея дифференцировать, и знаешь при этом, что в мире существует множество еще неизвестных тебе людей и книг. И только со временем я смогла осознать, насколько сильно эта книга и личность самого Аркаши повлияли на меня, и как это влияние формировало мой литературный вкус и восприятие.*

*А нужно еще сказать, что время тогда было совершенно сумасшедшее: Свердловск, конец 80-х, все то, что теперь принято называть уральским литературно-художественным андеграундом. Вокруг меня было множество невероятных людей, которые постоянно писали стихи, вели умные разговоры и страшно много пили.*



И, опять же, только по прошествии времени стало понятно, что именно присутствие в этом обществе Аркаши и создавало то интеллектуальное напряжение, которое наполняло все происходящее смыслом. Потом я часто оказывалась в самых разных литературных тусовках, иногда даже объединенных какими-то идеями или декларациями, но мне всегда в них чего-то не доставало. Вроде с виду все похоже – люди пишут стихи, много пьют и т.д., но не было системы координат, интеллектуального стержня, глубины осмысления, короче говоря – в них не было Аркаши.

Поэтому, когда созрела идея организовать в книжном магазине «Дон Кихот» литклуб и проводить литературные вечера, я с самого начала знала, на что это должно быть похоже. Я представляла себе волшебные поэтические тусовки своей юности, такие, к примеру, как памятные всем свердловчанам ночные заседания клуба «Фэн Лю» в ДК Уралмаш. И мне было абсолютно ясно, что без Аркашиного участия вся эта затея не имеет никакого смысла. Только он мог быть ее духовным центром и двигателем.

Клуб состоялся и просуществовал более 10 лет, вокруг него сформировалось определенное сообщество, и, в полном соответствии с моими представлениями, присутствие там Аркаши придавало всему происходящему особый смысл и привлекало новых, интересных, глубоких людей.

И несмотря на то, что теперь магазин закрылся, клуб «Дон Кихот» продолжает существовать, а люди и тексты, которые должны были остаться с нами, остались.

В общем, для нас сегодняшняя презентация ничего не меняет – мы и так празднуем «Реальность мифа» и бесценную дружбу с ее автором долгие годы, а лично я – почти всю свою сознательную жизнь. Но теперь, когда книга увидела свет, и другие смогут ее прочитать. Я уверена, что мы еще услышим о ней – она будет притягивать удивительных людей, и вокруг нее непременно будут происходить какие-нибудь необычайные события. Ибо такова сущность Аркаши, таков его путь. И это – «чудесная тайна Дао».

Для нас же выход в свет «Реальности мифа» – повод заставить Аркашу выска-



заться и дать нам возможность еще раз насладиться его речами, глубокими и неисчерпаемыми, как Дао.

Познакомилась я с Аркашей где-то во второй половине 1980-х в доме моей старшей сестры – поэта и барда Раи Абельской. У нее собиралась творческая компания, в которой Аркаша занимал особое место. Мыслитель, интеллектуал, автор поразительной книги «Реальность мифа», открывающей новые горизонты. Мне 20 с небольшим, меня страшно интересуют стихи, а Аркаша – гуру и проводник по бурлящей вокруг литературной жизни. Что важно, доброжелательный и душевный проводник, без снобизма и высокомерия.

Одно из ярких воспоминаний о первых годах знакомства связано с «Фэн Лю» – легендарными тусовками уральского культурного андеграунда.

В 1987 году безбашенные свердловские литераторы зарегистрировали в обкоме комсомола «Общество советско-китайской дружбы». Под его эгидой был создан клуб «Фэн Лю» («Ветер и Поток»), призванный, по аналогии с оригинальным явлением периода Шести Династий, представлять стиль жизни и мышления, сложившийся в среде уральских неформалов. Заседания клуба при участии всей тогдашней богемно-тусовочной публики проходили по ночам в ДК Уралмаш. По стенам развешивались картины, звучал живой джаз, в буфет завозился портвейн, а сцена предоставлялась поэтам. Было проведено всего три таких «заседания», ставших, по сути, итогом существования уральской неофициальной культуры.

Я присутствовала на одной из трех тусовок, кажется, на последней. Это была длинная, сумбурная и шумная ночь. Удивительно, что почти все из нее забылось, кроме Аркашиного присутствия. Запомнился какой-то отрезок времени, когда я сидела рядом с Аркашей, на сцене сменялись выступающие, а он объяснял, кто есть кто, и комментировал их творчество. Помню, что комментарии были захватывающе интересными. Кого-то я знала, о других слышала, некоторых впервые видела вживую, и среди таких особое впечатление на меня произвели два невероятных персонажа – Сандро Мокша и Б.У.Кашкин.

Публика воспринимала Мокшу довольно юмористически, а меня он напугал. Мне показалось, что и сами стихи, и манера чтения, сопровождавшегося какими-то болезненными гримасами, выдают явное безумие. Аркаша сказал тогда, что это не поэзия в обычном понимании. Через короткое время он написал статью «Поэзия? Нет, ритуал», в которой, проанализировав один из текстов Мокши, фактически вскрыл его душевную болезнь. Насколько я знаю, в жизни Аркаша трогательно заботился об этом странном человеке, а впоследствии, уже в Израиле, очень тяжело переживал известие о его трагической гибели.

Сразу или почти сразу после Мокши появился «народный дворник» Б.У.Кашкин в живописных лохмотьях с бубенчиками, в сопровождении молодняка из основанного им общества «Картинник». Сейчас об этом явлении много написано и даже существует «Музей старика Букашкина». А в то время они разрисовывали мусорные баки и скоморошничали на улицах, раздаривая досточки с картинками и стихами. «Если военные снимут штаны, больше на свете не будет войны» и т. п.

Такого же рода тексты они распевали под аккомпанемент балалайки или мандолины, бубнов, деревянных ложек и еще каких-то дуделок и стучалок. Как объяснял Аркаша, за их деятельностью скрывалась серьезная художественная концепция. Но, помимо прочего, это было невообразимо весело. В течение всего их выступления я хохотала как помешанная. И навсегда запомнила сияющее лицо Аркаши. Он излучал счастье оттого, что рядом с ним и благодаря ему кто-то сделал удивительное открытие.

Думаю, вот эта щедрость и бескорыстное стремление делиться с друзьями и есть те самые бесценные Аркашины качества, которые заставляют множество людей относиться к нему с обожанием. Это касается всего – интеллектуальных открытий, своего и чужого творчества, интересных знакомств, да просто дружеской помощи и поддержки. О том, как Аркаша безоговорочно любит и поддерживает своих друзей, наверняка могут рассказать многие. Я чувствовала его поддержку все последние 30 лет своей жизни, с момента нашего приезда в Израиль. Я не буду углубляться в личное – как Аркаша и Белла, сами неустроенные, приняли на первое время нашу сложную семью, как Аркаша утешал меня и пытался помочь в тяжелой ситуации, как приехал на папины похороны и многое другое. Кроме всего этого, на протяжении долгого времени (с 2000 по 2012 год) Аркаша был руководителем и душой литературного клуба в книжном магазине “Дон Кихот”. Вся наша деятельность без Аркаши не состоялась бы и уж, во всяком случае, не была бы такой значимой.

Свои мысли по поводу Аркашиного участия в организации литклуба я изложила на презентации “Реальности мифа”, наверное, повторяться не стоит. Добавлю немного воспоминаний.

Поначалу программа вечеров в “Дон Кихоте” формировалась полностью под Аркашиным руководством. В нее, совершенно в Аркашином духе, вошли выступления всех любимых друзей – Вадика Баранова, Саши Зиниграда и других. Помимо них, Аркашу интересовали некоторые люди, с которыми он не был лично знаком, но чье творчество давно ценил. Одним из таких людей был китаист и переводчик современной китайской поэзии Леонид Евсеевич Черкасский. Аркаша с воодушевлением говорил, что он живет в Израиле и что мы обязательно должны завлечь его в клуб. Я его не знала и у меня не было никакого мнения, кроме абсолютной веры в Аркашино безошибочное чутье на интересных людей. Бывало, что по Аркашиной наводке я занималась приглашениями, но, насколько помню, Черкасского он разыскивал сам и через какое-то время договорился о выступлении.

То, что происходило потом, похоже на чудо. Блистательный Леонид Евсеевич был настолько покорен Аркашиной глубиной и всей атмосферой клуба, что стал нашим постоянным лектором и другом. Он прочитал в “Дон Кихоте” несколько курсов лекций – по китайской культуре, теории перевода, современной китайской поэзии. Это были волшебные встречи. На 11 сентября 2001 года мы назначили лекцию по китайской кухне. В тот день человечество застыло у экранов телевизоров, но Л.Е. приехал, как обещал. Вчетвером мы провели фантастический вечер

посреди вымершего города. Еще были вечера у Черкасских дома в Раанане и у Аркаши с Беллой в Цоране. Л.Е. ушел внезапно и оставил в моей жизни зияющую пустоту. Мне до сих пор его не хватает. Он был из тех людей, знакомство и общение с которыми – дар небес. И этот подарок мы получили благодаря Аркаше.

Благодаря Аркаше в моей жизни появились и многие другие неординарные люди. Всех не перечислить, но не могу не назвать Даню Клугера, тем более что с ним связан один эпизод, который рифмуется с началом этих моих отрывочных воспоминаний о знакомстве с Аркашей и закругляет их (в обоих смыслах).

Я очень ярко запомнила вечер в гостях у Аркаши в Цоране, когда Даня показал свою первую еврейскую балладу о капитане испанского флота Якове де Куриэле. Даниель Клугер Баллада произвела на меня такое сильное впечатление, что я до конца вечера не могла опомниться. И, кажется, в таком же состоянии находился Аркаша. Как оказалось, это была не просто творческая удача, а изобретение целого нового жанра и начало большого пути. Тогда никто еще этого не знал, но я помню ощущение, что прямо на наших глазах происходит нечто исключительное. Я заговорила с Аркашей и попыталась выразить это свое ощущение. И увидела, как он весь засветился от радости. Потом мы еще несколько раз вспоминали этот момент первого исполнения первой Даниной баллады. И каждый раз, точно так же, как в дни моей юности, я видела Аркашино сияние – радость открытия и счастье разделить его с другими.»



# ТЕЛЬ-АВИВ, УЛИЦА АЛЕНБИ 98.

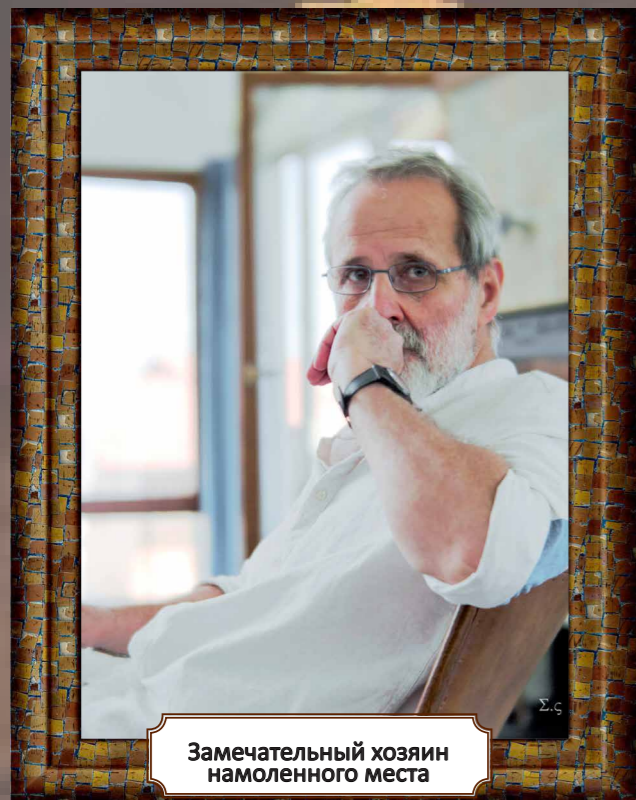
Handwritten notes and signatures in Russian and Hebrew, including names like "Михаил Фробман" and "Нелла спасибо".



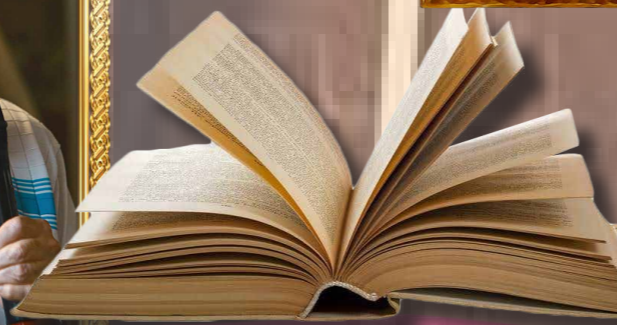
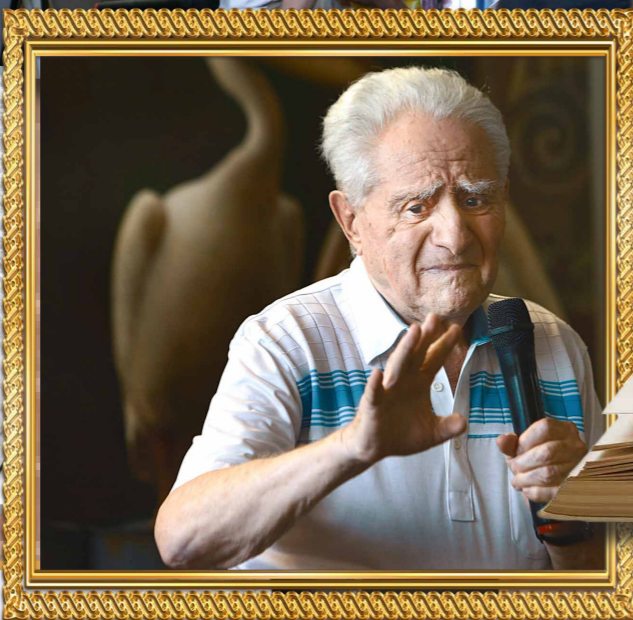
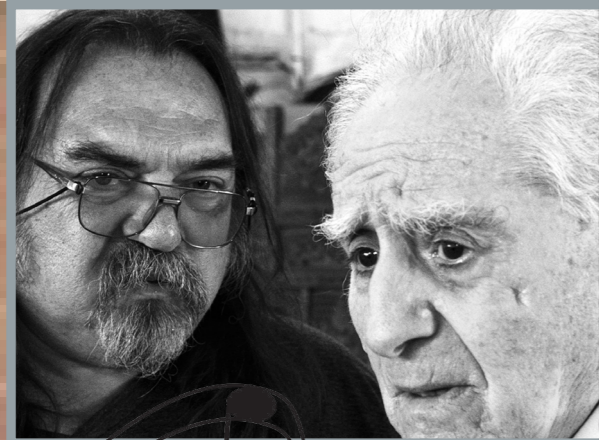
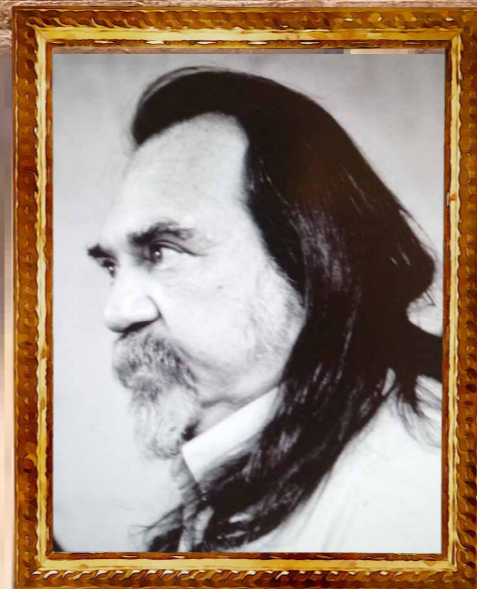
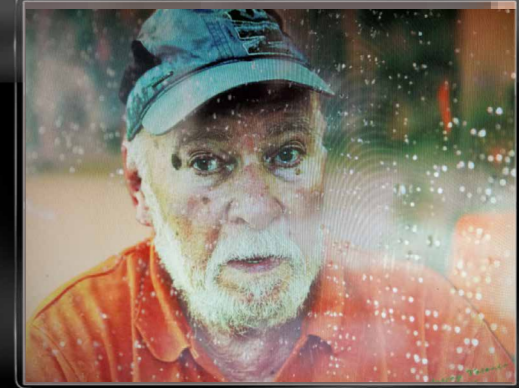
Handwritten notes and signatures in Russian and Hebrew, including names like "Ваня", "Александр", and "Ваня В. Бабенко".

Book covers and promotional posters for various authors and events, including 'Реальность мифа', 'Михаил Шишкин', and 'Дон Кихот'.

МАСТЕРСКАЯ МИШИ РАПОПОРТА.  
«НАМОЛЕННОЕ МЕСТО»



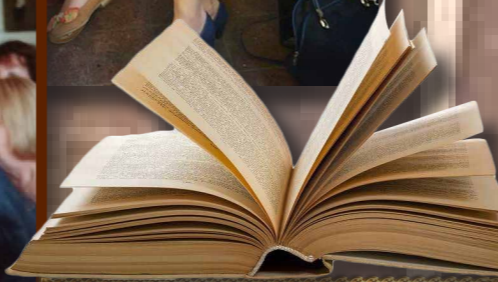
Замечательный хозяин  
намоленного места





Аркадий Бурштейн  
на презентации своей книги Реальность мифа







**ЛЕВ УРИЦКИЙ.**

*«Я не очень знаю, что бы я написал в школьном сочинении на тему, за что я люблю Бурштейна.*

*Мы познакомились в середине семидесятых, когда Аркадий начал программировать. Ни он, ни я тогда еще не знали, что будем неразрывно связаны, что наша дружба продлится много лет*

*И, конечно, никто не мог предсказать, что работа на компьютере и в России, и в Израиле будет для него основным занятием. Но у Аркаши три в одном: глубокий, добросовестный, трудоголик. Ему не понадобилось много времени, чтобы стать профессионалом. Благодаря этому знакомству, я получил возможность соприкоснуться с совершенно новым для меня тогда миром самых разных, окружавших его людей: барды и поэты, художники и историки, представители андеграунда и уже маститые авторы. Просто это были люди, которые были ему интересны. Художники Гаврилов и Вишня, поэты Кальпиди и Мокша, барды Ваксман и Абельская, режиссёр Бальмонт...*

*Я не знаю никого, кто мог бы относиться к нему неуважительно или недоброжелательно.*

*Аркаша страшно популярен и всем доступен, причем этот редкий экземпляр совершенно не кичится своей образованностью и популярностью. Напротив, всегда заряжен на то, чтобы осчастливить всех вокруг какими-то новыми знаниями, информацией, знакомствами. Поднять? Лучше скажу окультурить.*

*Нетривиальность его мышления и незамыленность взгляда сочеталась со щедростью, с которой он этими идеями делится.*

*Вот он звонит:*

*-У Вишни выставка открывается поехали? А там, первое, что ты видишь на входе в зал, - написанная Аркашей аннотация на весь перечень выставляемых картин.*

*-Слушай, сегодня у Бальмонта премьера его спектакля в ДК пойдёшь?*

*-У меня пермяки приехали с Кальпиди, приходи.*

*Аркаша был у истоков замечательной тусовки "Любителей китайской поэзии". (У меня даже был, полученный по благу членский билет)*

*Ах, я помню эти замечательные вечера в ДК Уралмаша. Джаз в фойе, фантазии*

*Pink Floyd в фильме "Стена", сухие вина, практически на всю ночь..*

*Казалось бы, его открытость, мягкость в общении должны были повлечь за собой и очень много неизбежных издержек, случайных людей и знакомств? На мой взгляд, ничего подобного. Именно его умение вычленять людей своего круга и преобразовывало его окружение в клуб по интересам. Люди, сведённые Бурштейном, обычно сразу находили общий язык. Они прошли через его фильтр, они были людьми, которых Аркаша посчитал людьми «своего карасса». Вспомнил, что в первый же мой день в Израиле он повел меня знакомиться с замечательным Мишей Рапортом. Должен заметить, кстати, что меня иногда удивляло, как обычно Бурштейну хватает интеллигентности (?) не демонстрировать людям, когда они несут полную чушь и ерунду. А это иногда очень трудно.*

*Аркаша - редчайший пример человека, о котором, я думаю, никто никогда даже в мыслях не подумал, что он способен на какую-то хитрость, манипуляцию, неискренность. Поэтому он бывает страшно обескуражен, когда сталкивается с этим в своем, казалось бы узком кругу.*

*Я помню, как в конце 80х в Свердловске, на энтузиазме нескольких людей была воплощена идея создания Общества еврейской культуры, помню, как они собирались, обсуждали, готовили Пурим. И вдруг Аркадий, совершенно с выпученными глазами, пришел мне рассказать: "Выяснилось, что один из членов правления сливал всю информацию о них в КГБ". Он был в полном ауте.*

*Знаешь, что жутко образованный и все равно каждый раз может тебя удивить по-другому. Вот заехал к нему как-то после Греции, а он тебе так сходу, запросто:*

*"Свободен путь под Фермопилами  
На все четыре стороны.  
И Греция цветет могилами,  
Как будто не было войны."...*

*Всегда не оставляет чувство его необычности, своеобразия, широты интересов, его естественность и внутренняя свобода. Легкой манерой и свободной формой изложения Аркаша обычно легко, но сильно влияет на вкусы и интересы окружающих.*

*В общем, если сказать коротко, Бурштейн - очень хороший человек.*

*И, я вам скажу, это тоже не самое распространённое качество.»*



**АРКАДИЙ КОЗЕРЧУК.**

*Мне хотелось, чтобы получилось хорошо, и ждал, когда хвори отступят. Я понимаю, что когда-нибудь это будет значимый источник информации о ярких персонажах эпохи рассеяния советской культуры. Ну, и в конце концов, Аркаша мой друг, который всегда играл важную роль в моей жизни. Я горжусь этой дружбой и высоко ценю ее как дар судьбы. Ваш отъезд был очень серьезной потерей для меня. И дырка в душе так и не заросла. Но слава интернету! Правда, это радость со слезами на глазах. Ведь интернет со всеми его примочками годен только для обмена информацией, и не способен заменить живого общения. Ну, никак. Тем более, что проверено в живом общении.*

*Многие справедливо оценят и широту эрудиции Аркадия, и творческие подходы к анализу текстов, и выраженное культуртрегерство, и все прочее культурологическое.*

*Но вот таких, как я, не имеющих ни профессионального, ни формального хотя бы отношения к этой сфере, маловато будет. Это просто дружба, нормальная человеческая дружба. Мы ведь познакомились довольно поздно. Во второй раз, когда знакомство переросло в дружбу, по-моему, уже после окончания института. Женька, кажется, еще в пеленках отлеживался. И, вот считай, целая жизнь за плечами, а дружба жива. Она, по-моему, базируется на его интересе к человеку. Достаточно принадлежности к одному каррасу. Как-то эта формулировка вытекала из контекста отношений и звучала время от времени применительно к другим людям. Вот я и отнес ее к себе. Мы сошлись с ним на общем интересе к китайской классической поэзии. Но я-то был просто начитанный парнишка, а он законченный филолог и профессионально оценивал тексты. Однако без понтов! Тезка очень деликатный в отношениях, и я никогда не ощущал в его поведении даже следов превосходства. Ни в начале знакомства, ни позже, когда он стал уважаемым автором «Реальности мифа». И так до сих пор. Что при этом интересно: многие творческие люди оценивают других по интересу к своей персоне. Такая форма проявления комплекса неполноценности. Никогда, ни в чем у тезки-даже в мелочах-не проскользнула! Очень редкое качество. Достается только людям цельным, внутренне уверенным в себе. Я очень признателен тезке за те открытия, которые он мне подарил. И это его «забавно», с которого начинается полноценная лекция о чем угодно. Просто это открытие, которым тезке хочет-*

*ся поделиться. Всегда с благодарностью принимаю. А его «забавно» стало паролем, по которому безошибочно узнаются его друзья.»*



**ЮЛИЯ КОКОШКО**

*Пусть меня спросят: кто лучший на свете друг? И я незамедлительно отвечу: разумеется, Аркадий Бурштейн. И не только мне, но многим, многим своим друзьям. Друг – минимум на полвека в любую сторону от этого дня и года.*

*Мне выпало счастье учиться на одном курсе с Аркадием и подружиться с ним еще на том благословенном большаке. И сразу дать А.Б. определения, которые с тех ничуть не претерпели поправок: добрейший, неизменно благожелательный, надежный. И, безусловно, самый умный, чья эрудиция бездонна, а вкус и чутье на плохое и хорошее в литературе безошибочны и не подлежат уточнению.*

*Мне доводилось читать его блестящие эссе о Лермонтове, Жданове, Галиче, Кальпиди, Сандре Мокше и даже о ничтожном предмете наименованием «коричневая пуговка» – свеженькими, вскоре по написанию, и неизменно меня поражали и парадоксальный угол зрения А.Б., и глубина проникновения в текст, и артистизм изложения. Не буду как-то анализировать его работы – мне не по чину, к тому же здесь собрались интеллектуалы и все всё понимают лучше меня.*

*Поскольку избранная мной стезя – вечно сочинительствовать, мне необходимо было предъявить всякий опус – Аркадию и смиренно ждать его оценки, а до того написанное считалось лишь подуманным и невоплощенным. И если Аркадий относился к опусу благосклонно, находил, что в нем что-то есть, я была уверена: значит, в какой-то степени получилось. И до сих пор мне в первую очередь важно впечатление от текста – Аркадия, которому я доверяю безгранично, а иных критиков признаю много меньше. Выставив какой-нибудь стишок в Фейсбуке, я жду его комментария, а не последуй таковой – значит, неудача.*

*Когда А.Б. и вся его семья собрались уехать из (тогда) Свердловска, для меня разверзлась трагедия... Но интернет восполнил это столь необходимое для меня общение (где мы были – без..?).*

*Да и в дивном Израиле мне удалось побывать именно благодаря Аркадию и Белле, расположась на несколько дней (и неоднократно) в их чудесном, гостеприимном доме. Дай Бог дому этому вечного благоденствия! И пусть Аркадий живет дольше всех нас и пишет, пишет...*



**ВАЛЯ БРУСИЛОВСКАЯ И ЛАЗАРЬ МАНОЛЕ.**

*Аркадий!*

*Пьём чай из чёрной чашки, подаренной Зиной. Такая это особенная чашка, что чай из неё согревает и душу тоже.*

*Вот медленно проявляются, оживают образы свердловчан, часто приезжавших к нам в Эйн-Ход.*

*Зина – одесситка, как Лёня. Справа от Зины - Аркадий, Миша Брусиловский и другие замечательные свердловчане.*

*Мы так благодарны всем за поддержку, которая согревала Мишу в очень тяжёлое для него время.*

*Остался фильм, снятый Серёжей Ворониным. Всё снятое здесь было при твоём участии, Аркаша. Мы так тебя называем, потому что ты близкий нам человек. В твоих глазах, голосе, - во всём твоём облике столько мягкости, доброты, сопереживания, мудрости и весёлой исследовательской искристости.*

*Мы с удовольствием прочитали твою книгу «Реальность мифа». Поразительный подход к исследованию стихов! А главное, Аркаша, мы тебя любим! Приезжайте к нам с Бэллочкой, несмотря на короновирус.*



**МИША РАПОПОРТ.**

*С Аркашей Бурштейном можно не видеться годами, но если ты его знаешь, ты все время чувствуешь себя с ним связанным. Мягкий, доброжелательный человек, говорит тихо, ничего тебе не навязывает, но не считаться с его мнением невозможно. Умный, черт! Таких мало на свете. Мы познакомились в Нетании тридцать лет назад. Повезло мне!*



**ЛЕНА АРЪЕ.**

*“Аркаша, много в этом звуке!..”*

*“Учение Бурштейна всесильно, потому что оно верно!”*

*Не так давно – не так недавно*

*Мы познакомились не Там,*

*А Здесь уже. Не будет тайной,*

*Не лично, Я зашла в Портал*

*Небезызвестный всем, наверно.*

*День был хорош – ничем не скверный.*

*Ты мне открыл окно в те дали,*

*Куда доньше не глядали*

*Мои глаза и мысль не смела,*

*Когда бы знала, что хотела.*

*С тех пор, не утаю, не скрою,*

*Пленилась навсегда тобою.*

*Что ж, шутки в сторону и рифмы,*

*К серьёзной прозе плавно вышли,*

*Аркаша, много хороших слов тебе, о тебе скажут другие, те, кто может похвастаться более долгим знакомством с тобой. Я расскажу тебе, что про тебя говорит современная наука Human Design*

*(информация из открытых источников, практически цитата).*

*Ты - Проектор, пришедший в жизнь для людей.*

*Стратегия мудрости: Ждать распознавания и приглашения. Учиться отказываться от общения с “не своими” людьми. Перестать привлекать к себе внимание. Подружится со своим одиночеством, беречь свою энергию. Использовать свои навыки и умения для эффективной организации процессов. Востребованность именно ваших уникальных умений и особенностей.*

*Награда за стратегию: Успех и признание. Распознавание окружающими людьми вас, ваших талантов и заслуг. Успех людей, которых вы направляете – тоже ваш личный успех.*

*Жизненный урок: Вера в светлые идеалы, как опыт пережитой несправедливости.*

*Ваше стремление к Целостности соединяется с энергией Энтузиазма, мощное адреналиновое давление заставляет вас проявлять жизненную энергию в поисках*

совершенства во всём через

исправление и улучшение существующего. Это давление усиливается врождённой способностью понимать, какой паттерн некорректен и в чём причина его неисправности. Вам хочется

бросить вызов любому несовершенству, но всё-таки стоит воздержаться от критики там, где она не будет воспринята.

Ваш дар Дальновидения соединяется с энергией Точности выражения слов, ваша способность доносить людям сложные вещи простым языком усиливается за счёт необычных умственных способностей структурировать логические паттерны. Вы обладаете редкой ментальной способностью видеть картину целиком, что позволяет проявлять организаторские способности для будущего людей.

Будешь спорить? С наукой так просто не поспоришь. Обращайся, если захочешь подробностей.

А теперь совсем серьёзно. Если бы не ты, я бы не узнала столько замечательных людей, приглашенных тобой в Дон Кихот: Сергея Чеснокова, Иосифа Барданашвили, Иона Дегена, Сергея Воронина, Настю Кузнецову, Марину Рыцареву и многих-многих других, кого не вспомню навскидку. Я была просто упоена "Реальностью мифа". Спасибо тебе за радость жизни и творчества, за то, что можно просто постучаться в месенджер – и ты откликнешься всегда!

Будь нам здоров, дорогой!

Обнимаю. Лена Арье.



**ЛЕОНИД ВАКСМАН.**

Мой друг Аркадий Бурштейн.

Написав это заглавие, я замер. Так как понял, что за полчаса, имеющиеся у меня в наличии, не успею. Слишком много хотелось бы сказать и расписать поподробнее, повкуснее. Но времени нет. Позвонили с работы, что кто-то заболел и надо выйти пораньше. В голове моей бардак. Но это бардак позитивный и окрашенный любовью к моему другу – Аркадию Бурштейну. Буду вываливать этот бардак по пункту, пока хватит времени.

1. На нашу первую встречу-знакомство в Пермь мы ехали в одном поезде, но в разных вагонах. Познакомились на перроне по приезду. Обрато ехали уже в од-

ном купе. И тут я узнал, как же страшно он храпит!

2. Бурштейн – когда мы были молодыми, казался мне взрослым. По сравнению со мной. Потом по мере моего взросления мы субъективно сравнялись. Теперь он кажется мне моложе меня. Хотя это не так.

3. Аркаша – все зовут его так. Даже жена. Потому что сказать «Аркадий!» – это как то грозно, это слишком уже! Конечно, только «Аркаша»!

4. Он всегда мне казался, (и был!) мудрым. Что не мешало ему интересоваться разными «сплетнями» про наших и не наших общих знакомых и радостно их пересказывать. Это потому что он, как ученый, познал глубину многих явлений, а как человек – интересуется внешней стороной жизни, которая его часто забавляет.

5. «Забавно» – главное слово. Это положительная оценка, которую Бурштейн дает жизненному явлению. Но с примесью легкого удивления – ишь ты, вот как эта жизнь, о сути которой я и так все уже знаю, извернулась, лишь только бы доказать мне, что еще остались у нее какие-то крохи, мне неведомые. Правда, очень умный, это так.

6. Лучшие женщины выбирают лучших мужчин. Поэтому Бэлла – доказательство, что Аркаша – лучший. Впрочем, доказательства не нужны.

7. Он создает для своих друзей атмосферу такой искренней любви и восхищения ими, что попав в этот сладкий капкан, вырваться уже невозможно. Я не смог.

8. Он в юности был, кажется, сталеваром. Я представляю, что в проходной его завода должны установить фреску, на которой мудрый еврейский богатырь одной рукой поправляет огненный поток, а другой правит в последний раз рукопись, название которой можно разобрать лишь частично – «...сть мифа».

9. Бурштейна изучают в университетах. Мне это приятно. Я понимаю этих людей. В юности, наслушавшись от Аркадия его разборов поэтических текстов, я шел в свой камнерезный техникум, где преподавал КСП, и пересказывал подросткам то, что понял и запомнил. Они

тогда торчали от меня, как я торчал от Бурштейна.

10. Бурштейн – отец трех разных, очень классных людей. Пусть у всех наших детей все будет хорошо! Это важнее всего.

11. О, какое же это удовольствие было в Свердловске прийти к Бурштейнам и спеть новую песню! И послушать, как Аркаша что-нибудь рассказывает, и подержать на коленях малышей, и поприкалываться над Женькой, и... много чего еще.

12. Однажды зимой я провожал его до дома. У самого подъезда мы остановились и разговаривали. А потом вдруг оба обратили внимание на светящийся объект, летящий по небу. А он – объект – как будто понял, что мы на него смотрим, и остановился, завис. И мы простояли еще час, ожидая, что он снова сдвинется с места. Но он висел неподвижно. Так мы и расстались тогда. С чувством некоторого неглубокого неудовлетворения.

13. ...пора бежать. Люблю тебя, Аркаша!



**МИША КОГАН.**

*Аркаша мне «достался» от Вайсбурдов, конечно, когда мы переехали в Амундсеновку и случайно оказались соседями. Первые впечатления: чрезвычайно эрудированный, при этом ещё и глубокий. Аркаше свойственно увлекаться чем-то или кем-то, и эти увлечения, как правила, уводят вглубь. При этом, будучи чрезвычайно душевно щедрым человеком, Аркаша всегда стремится поделиться своими открытиями - иногда не замечая, что собеседник «не догоняет». Просто в силу своей доброты он не понимает, что не все так же подготовлены, как он. В некоторых случаях я мог наблюдать и оценивать (т.е. мог понять) это его ныряние в глубину, когда прожжённый гуманитарий переделал себя в «программёры», став одним из лучших специалистов в городе по базам данных. При этом новые знания, новый взгляд на мир он немедленно применял к своим привычным занятиям. Он говорил, что занятие программированием существенно повлияло на его мышление, когда он думал над «Реальностью мифа».*

*Если Аркаше приходилось заниматься автоматизацией трамвайной диспетчерской службы, он на минуточку становился диспетчером, а через короткое время – лучшим диспетчером. Он смог существенно усовершенствовать работу уфимского ТТУ «вручную», ещё до написания и применения всяких компьютерных алгоритмов: он просто посмотрел, как они работают, (реально поставил себя на место диспетчера, и стал им) и процентов на 30 улучшил использование подвижного состава.*

*Энциклопедист и популяризатор - сначала на персональном уровне, потом появился сайт «Портал Аркадия Бурштейна». Потом появился Дон Кихот...*



**БЕЛЛА ГОЛЬДБЕРГ.**

*С Аркашей мы знакомы так давно, что точные цифры просто не имеют значения, мы все были ужасно молодые студенты, большая часть - математики, некоторые - физики, а вот гуманитарный-парень - это было такое исключение из правил, что не заметить, не обратить внимание было нельзя. И, кстати, этот гуманитарий очень скоро примкнул к нам, просто каким-то невероятным упорством и энергией, стиснув зубы, перешел в совсем другую область, ставши профессионалом и там тоже.*

*Вот эта черта Аркашина - упорство, хорошая упертость, преданность своему делу, профессионализм во всем, за что бы ни брался, - это не может не восторгать и ни вызывать невероятное уважение.*

*И еще преданность друзьям, семье, умение думать о других, жить их интересами... для него это - как дышать.*

*Какой замечательный подарок мы получили от него здесь в Израиле: этот клуб, который стал частью нашей жизни, которую у нас временно отобрали, но которую Аркаша обязательно вернет, как только это будет зависеть от него только.*

*Очень одаренный человек, прекрасный друг, остроумный и понимающий с полуслова. И еще очень счастливый человек, потому что рядом жена - практически идеал, дети замечательные, внуков много: как же прекрасно чувствовать и видеть свое продолжение, воспитывать их, дарить им свою любовь и тепло!*

*Только здоровья, дорогой!!!! Ждем новых встреч в клубе, представляя - сколько же планов у тебя накопилось! Пусть реализуются!!!!*

## АННА СТЕПАНСКАЯ И ДАНИЭЛЬ КЛУГЕР



Так получилось, что наша «литературная семья» познакомилась с Аркадием Бурштейном дважды. Вернее, две половинки – в разное время. Первым оказался Даниэль Клугер, вторым – Анна Степанская. Тем не менее, мы в равной степени любим Аркашу и дорожим его дружбой.

### ДАНИЭЛЬ КЛУГЕР.

Меня с Аркашей познакомил наш общий друг Игорь Зильберман. Просто позвонил однажды и сказал: «Поехали, я познакомлю тебя с классным чуваком». И мы поехали.

Это был знаковый вечер (при том, что я терпеть не могу слова «знаковый»). Я впервые встретился с человеком, которого вдруг начал понимать с полуслова. Или с полуцитаты. Я цитировал какую-то цитату из, прямо скажем, не самого известного писателя – и Аркадий тут же подхватывал и продолжал ее. Особенно меня поразило, что мы оба любим норвежского писателя Сигурда Хёлля, автора романов «У подножья Вавилонской башни» и «Моя вина». Это при том, что никто из моих друзей-эрудитов его не читал вообще!

Услышав в тот вечер некоторые суждения Аркадия о поэзии и о литературе вообще, я обнаружил еще больше общего – и не просто в суждениях. Мне вдруг показалось, что я слышу что-то из моих многолетних штудий, относительно мифопоэтической основы литературного творчества. Я попросил на прочитав его книгу, тут же, в тот же вечер (вернее, в ночь) прочитал ее – и был просто потрясен тем, насколько она оказалась близка моим собственным выводам – при том, что Аркаша основывался на поэзии, а я – на классической детективной литературе. Естественно, я тут же отправил ему свою «Мистерию» - и услышал потом в голосе его то же удивление.

Нечего и говорить, что с тех пор я воспринимал дом Аркаши и Беллочки Бурштейнов как один из центров русской культуры в Израиля, причем едва ли не самый теплый из всех. Равно как и выросший из него неформальный клуб «Дон-Кихот».

И, конечно же, именно в гостях у Аркадия Бурштейна я впервые исполнил мно-

гие свои баллады из неоконченного (надеюсь, и не идущего к концу) цикла «Еврейские баллады». Начиная с самой первой баллады – «Капитан испанского флота».

Израиль – особенная страна. Здесь вдруг находишь людей, с которыми, возможно, никогда бы не встретился в других условиях – и эти люди становятся для тебя очень важными и близкими.

### АННА СТЕПАНСКАЯ.

Я познакомилась с Аркадием Бурштейном позже, чем Даниэль. Он привёл меня в чудесный дом, в волшебный сад, рассказав перед этим, что хозяин дома и его среда не в такие уж давние времена были центром культурного андеграунда города Свердловска. «Культурный андеграунд» звучало привлекательно, а слово «Свердловск» казалось серым, пыльным и очень промышленным. Я слышала его с детства. Из Свердловска к нам приезжал папин фронтовой друг дядя Боря Цымкин, весёлый человек, и настойчиво звал поступать после школы именно в Свердловске. Я говорила ему, что это невозможно, а он смеялся и уверял, что мне совсем не нужен Ленинград. Но я, с детства ушибленная неповторимой красотой Петрова града, лучше знала, что мне надо.

И вот здесь, в удивительной стране Израиле, поместился и Свердловск, и выглядел вполне мило и радушно. С Беллочкой, виртуозной хозяйкой дома, я была знакома по семинарам министерства просвещения, с Зиной Долговой мы вместе учились в Семинар-а-кибуцим. С Нелли Розенберг, хозяйкой книжного магазина – клуба «Дон Кихот», познакомилась здесь. Позднее клуб перебрался в мастерскую блестящего художника Миши Раппопорта. В этой мастерской состоялась презентация моей первой книги.

А создателем, вдохновителем и творческим двигателем всего этого был Аркадий Бурштейн. Спасибо тебе, Аркаша, за возвращение пропущенного мною в молодости города Свердловска.



### МАРИНА РЫЦАРЕВА.

Аркашенька, дорогой, письменное поздравление это не то, что у вас в доме, среди друзей и с дымком барбекю, но зато можно развернуться и даже свободнее изъясниться.

Пишу спонтанно. Знаете, мне никто никогда не говорил «Марина, Вы что пе-

регрелись?»), но от Вас это было «слаще звуков Моцарта». Вовсе не потому, что таким образом вы отказались от денег за настройку компьютера совершенно незнакомым людям, впечатлившись количеством стеллажей с книгами, а потому, что, говоря так искренно и без самоцензуры, Вы оказали мне особое доверие, зная, что я не обижусь. Это было как выпить на брудершафт, чего мы так и не сделали. На Вы интереснее.

Мы с Вами знакомы скоро 30 лет. Сейчас, подводя итоги израильской главе своей жизни, я понимаю, как многому я научилась, в частности у Вас. Первое, что меня поразило, и я долго этого не принимала, это Ваше нулевое отношение к защите своего авторского права или хоть какого-нибудь авторского эго. Я просто такого не встречала. Вы рассылали друзьям свои статьи, одна интереснее другой, нисколько не заботясь об их публикации или общественном признании.

Я, пожалуй, думаю, что это у Вас не столько от того, что Вы заглянули вперед, понимая, что дигитальная революция свершилась и рано или поздно всё будет public domain, а потому что Вы просто НАД этим. Вы живете в другом измерении, среди других ценностей, проще говоря (?) в царстве духовного, неподвластного земному тлену. И что было особенно приятно – наблюдать, как вознаграждение, это то, что Ваша книга издалась не только без Вашего участия, но, если я правильно понимаю, вообще без Вашей инициативы. Это значит, что Ваше авторское право само за себя постояло и заняло свое место. Более чистой пробы, наверное, и быть не может. Ваша вера в подлинную сущность творчества как самостоятельную силу полностью оправдалась. Это живой урок, за который я Вам очень благодарна. Конечно, книги сами не издаются, только если их не крадут, желая заработать. Не тот случай: это Ваши верные и бескорыстно преданные этой самой духовности друзья, без которых, как и всех, кого я знаю в Вашей орбите, Вы бы не существовали как личность.

Это Ваш магнетизм природного донора, безусловно открытого к талантам и творческим проявлениям. Насколько Вы безразличны к судьбам своих творений, что совершенно освобождает Вас от желчи и яда авторского самолюбия и ревности, настолько же Вам необходимо

состояние восхищения творчеством других, это просто Ваш кислород. Я в жизни не помню такой дружественной, яркой и интересной среды как Ваши друзья, в которые нам с Сергеем посчастливилось вписаться. Спасибо Вам! Спасибо Белле, Вашей боевой подруге, с силой характера настоящей сибирячки, как подметила моя сестра Нина Либин, под женственным обликом за то, что она, сама глубокий и яркий поэт, как Атлант, поддерживает Вашу – и нашу общую – высокую духовность. Это колоссальная сила. Дай вам всем Бог здоровья и сил на много лет!

Спасибо нашей общей доброй фее Зине Долговой за идею!



**ДИНА СМОРГОНСКАЯ И СЕМЁН ЛИПКОВИЧ.**

Большой, похожий на Бальзака, с широко расставленными голубыми глазами человек, излучающий доброту – таким впервые мы увидели основателя группы «Дон Кихот» Аркадия Бурштейна и сразу ощутили на себе его внимание и заинтересованность.

Удивительно, как по-человечески мягко и скромно выражались эти чувства. Сразу стало ясно, что перед нами крупная неординарная Личность. С каждой новой встречей к этим оценкам прибавлялось чувство приязни, доброты и близости. Позже мы познакомились с книгой Аркадия «Реальность мифа. Избранные эссе.»

Мы, как люди эмоционального действия, увидели человека, который серьезно занимается исследованиями культуры и творчества. Его знания литературы и поэзии, любовь к музыке, к джазу, к живописи и ко всем настоящим проявлениям истинного творчества, сделали Аркадия бездонным кладом знаний и Учителем.

Когда мы впервые оказались в группе людей-единомышленников, слетевшихся на его свет, мы невольно задались вопросом: «Где же мы были раньше?» Для нас оказалось большой честью быть в кругу этого коллектива, где каждый из участников способен одарить других своими знаниями и достижениями.

Мы с гордостью узнали, что Аркадий стоит у истоков создания этой группы. Слепленные эмоциональными всплесками, многие из нас не задумываются об истинных причинах творчества и поэтому всем нам необходим Аркадий с его умом и знаниями.

Мы желаем Аркадию здоровья, терпения и сил. Мы знаем, что рядом с ним всегда замечательная Бэлла, дети и внуки. Мы любим Вас!

Дина, Сеня.



**ЮЛИЯ ДРАБКИНА.**

*Пытаясь вспомнить, где и когда именно познакомилась с Аркадием, поняла, что сделать этого не в состоянии – не помню. Но полагаю, что произойти это могло в книжном магазине «Дон Кихот», где собирались удивительные, редкие и очень выразительные люди, и куда я однажды совершенно случайно забрела, как обычно, просто бесцельно шатаюсь по Тель-Авиву. Долгое время я была убеждена, что Аркадий так или иначе профессионально связан с литературой, пока не узнала его поглубже и не поняла: знания его настолько обширны, эрудиция настолько широка, что создается естественное впечатление, будто он является специалистом в любой обсуждаемой в каждую единицу времени теме. О литературе? Пожалуйста: во время обсуждения вам процитируют поэтов, известных и не очень. И еще – как, ты не знала? – у меня есть сайт о литературе, там я собираю стихи любимых поэтов и пишу эссе о них. О музыке? Вы непременно узнаете несколько новых имен, даже если тему вы обсуждали уже неоднократно. Об истории? Без проблем, только берите ручку и записывайте, потому что рассказ будет таким живым и интересным, что обо всех упоминаемых в разговоре людях вы обязательно захотите почитать потом еще. Ты, конечно, знаешь режиссера такого-то, предваряя рекомендацию фильма, может спросить в переписке Аркадий, и тут желательно иметь под рукой энциклопедию, потому что ему, имеющему такое богатство в голове, даже трудно представить, что кто-то мог жить без этого знания. Мне всегда везло и везет на людей, но даже среди тех прекрасных людей, с которыми меня щедро сталкивает жизнь, некоторые выделяются особенно. Меня всегда восхищает подвижничество (а именно этим занимается Аркадий в самых разных областях), так сказать «необязательный огонь», который исходит от человека и сочетанием своей необязательности и мощи зажигает других людей, заставляет их думать о том, о чем они раньше не задумывались, узнавать новое в ранее далеких от их интереса областях, тем самым естественным образом расширяя границы людей, их знаний, уровня культуры и - как следствие – способности и желания узнавать новое, раздвигать свои горизонты, какими бы они ни были ранее. Мне кажется, для самого Аркадия такой образ жизни является настолько естественным, что вряд ли он осознает степень своего влияния на тех, кто так или иначе с ним соприкасается. Зато мы, имеющие счастье общения с ним, это осознаем. И благодарны.*



**ГАЛЯ КОРХИНА**

*Есть у нас традиция передавать друзей по наследству. Некоторые делают это с уральской щедростью. Например Миша Коган. Уехал в Канаду, но оставил мне не только воспоминания о наших гуляниях и чтении стихов при луне, а подарил целую жизнь с прекрасными, мудрыми и талантливыми людьми. И кое-кто из этих людей, на мое счастье, открылся мне сам и открыл мне новый мир, который я смогу постигать и которому буду удивляться до конца земной моей жизни. Аркадий Бурштейн.*

*Аркаша, ты из той редкой плеяды, которая безвозмездно и постоянно делится знаниями, добротой, творчеством, любовью к жизни вопреки невзгодам. Ты тот, кого я называю созидателем. И это не пафосное слово, поверь! Ни пафос, ни самолюбование тебе совершенно несвойственны. И голос твой тих и проникновен. Я инстинктивно потянулась к тебе, даже еще не зная о том, что ты ядро маленькой культурной планеты. Это ты открыл для меня уральскую культуру, а главное андеграунд. С тебя началась моя любовь к настоящему кино. Я помню то время, когда возрождался клуб, тогда это еще были встречи в вашем доме. Я уходила из вашего сада, вкусив плода вашей щедрости от угощений, вина, музыки, талантливых людей. И меня тянуло в Цоран снова и снова. Мы все были так счастливы, когда нас стало много и клуб Дон Кихот открыл свои двери в мастерской Миши Рапопорта. Подобно тебе мы стали приводить туда своих друзей и разделять с ними радость от встреч с выдающимися людьми и явлениями культуры. Я верю, что это время вернется, как только корона исчезнет с нашей многострадальной планеты. И мы еще споем!*

*В твой день рождения я хочу тебе пожелать простые, но самые нужные вещи! Будь здоров и счастлив, дорогой! Пусть тебя оберегают любовь и верность твоих родных и друзей! Пусть детские голоса и смех звенят в вашем саду! Я знаю, что все так и будет. Ведь рядом с тобой, плечом к плечу, твоя Белка, чистая как хрусталь, сильная как алмаз, яркая как бриллиант, твое главное богатство.*

*С любовью и уважением,  
Галка*



**ЛЮБА РАЙХЕЛЬГАУЗ.**

*Аркаша, дорогой, мы знакомы с тобой более полувека (страшно подумать!) Однажды пришли в один и тот же 8 математический класс 5 школы. Дети в этот класс отбирались путем собеседования и далеко не всем посчастливилось быть принятыми... Класс получился ярким особенным и на этом фоне сияло несколько звезд: и ты был одной из них.*

*Я помню, как ты заворожил меня своим интеллектом, своим особенным взглядом на знакомые вещи и, честно сказать, я тебя слегка побаивалась...*

*Но постепенно (не помню как!) мы подружились... И наступил день, когда мы встретились в новом неожиданном качестве: я оказалась учительницей математики твоего старшенького. Это было забавно!*

*Особенно тесно мы начали общаться и дружить семьями уже здесь в Израиле. Мы даже ехали сюда в надежде остановиться на постой у вас, но оказалось, что семейство Абельских летит тем же самолетом и тоже к вам.*

*А потом были частые встречи у вас семьями, дети подружились и мы окунались в уют и тепло вашего дома...*

*А ваши пасхальные седеры, которые которые блестяще проводил твой отец...*

*А ваша помощь, когда Ленька ушел...*

*Ну и, конечно, твои незабываемые донкихотские пятницы и твоя удивительная способность находить интересных людей и знакомить с нами.*

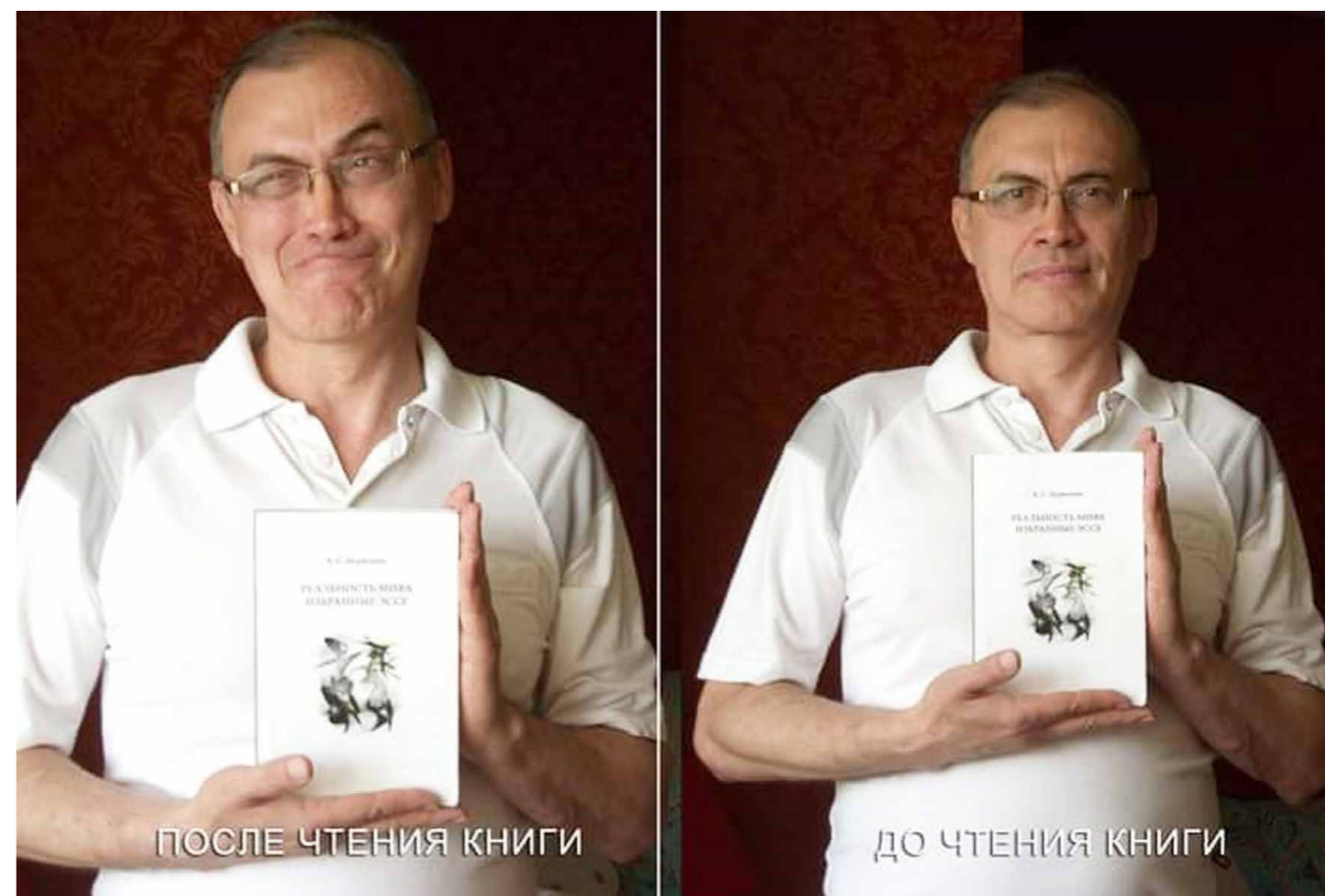
*Я пишу это почти телеграфным стилем, потому что не знаю, как вместить целую жизнь в эти короткие строки, просто хочу сказать, есть люди, которые связаны с тобой невидимо, они просто в твоей душе, как вы с Белкой...*



**ВИТАЛИЙ КАЛЬПИДИ.**

В период записи книги «Запахи стыда» у меня был постоянный собеседник – Аркадий Бурштейн, который к тому времени уже эмигрировал из страны, но мы почти каждый день общались с ним по ICQ. Наши разговоры были настолько важны для меня, что в выходных данных книги я указал его имя наряду с художником и продюсером. Я и сейчас счастлив возможности поблагодарить Аркадия за ту невероятную дружбу, которую он подарил мне и которая поддерживала и поддерживает меня до сих пор.

### **«Плакат: Влияние Эссе Бурштейна на приличных людей».**





**СЕРГЕЙ ВОРОНИН.**

*У меня на столе Аркашина книга “Реальность мифа”. Я прочитал ее от корки до корки. Такое мог написать только человек, глубоко убежденный в том, что мир создан 22 буквами и 10 цифрами. Такое мог написать только человек, глубоко уверенный, что внешний мир ничто – майя – иллюзия. Реальный мир - это горная страна духа - мир чувств, переживаний, мыслей, идей - подлинный источник творческих импульсов и всего сущего в мире.*

*В “Реальности мифа” Аркадий хотел понять, как слова, словесные структуры, в обход нашего сознания и воли, могут проникать прямо в подсознание, внушая нам определенные чувства и идеи. Говоря проще, он занялся исследованием поэтического языка, как языка магического, и, попутно, как инструмент проверки своих выводов создал уникальную систему литературного анализа поэтических текстов. Я часто перечитываю отдельные главы – эссе. Книга написано легко и просто, читается как детектив, несмотря на всю сложность и, казалось бы, туманность вопроса. Я не перестаю поражаться: каким колоссальным объемом знаний из самых разных духовных сфер и практик нужно было владеть, чтобы поднять такой труд! Каким острым зрением, слухом, каким умом и смелостью нужно было обладать!*

*“Реальность мифа” вполне бы потянула на хорошую докторскую... Шли восьмидесятые годы. Лингвистическим кодированием занимались, возможно, только в “конторах глубокого бурения”. Литературоведы в штатском забраковали исследование, как идеологически чуждое. Зато его опубликовали в самиздате. Имя Аркадий Бурштейн стало уважаемым, весомым в узком кругу тогдашнего андеграунда. Читай – сегодняшнего мейнстрима. Сам он называет себя культурологом. Я бы назвал его одним величайших неизвестных поэтов.*

*Я познакомился с Аркашей и Беллой гораздо позже - в тот злополучный год, когда ушла моя сестра. Чета Бурштейнов пришла в один из дней траурных посиделок. Аркаша и Женя, моя сестра, учились вместе в Уральском университете на филологическом факультете. Женя бывала у них и всегда с восторгом рассказывала о теплом, гостеприимном доме... По вечерам там звучит хорошая музыка, исполняемая самими композиторами, поэты читают свои стихи, а художники показывают свои работы, гости ведут глубокие неторопливые беседы. Балом*

*правит Бэлла, а организатор действия и душа компании Аркадий.*

*Мне повезло - мы подружились, и я стал частью компании и участником клуба «Дон Кихот» - любимого Аркашиного детища. Аркаша неважно себя чувствовал, но еще продолжал работать... Читал в автобусе по дороге на работу и по дороге с работы, читал постоянно, прерываясь, возможно, только на сон. Казалось, бытовые проблемы его волновали мало – домом и садом занималась Бэлла, за-морские путешествия его не интересовали совсем и даже наоборот. Постоянной и подлинной страстью всегда оставалось чтение и клуб «Дон Кихот» - края духовные. Поэт Юлия Кокошко как то отозвалась об Аркадии Бурштейне – небожитель. По- моему, очень точно.*

*Встречи в клубе происходили раз, а иногда два раза в месяц. И каждую встречу нужно было тщательно приготовить и организовать: найти интересного кандидата, договориться о регламенте и содержании, о помещении, технике. Согласование и приглашение людей и еще тысячи всяких тонкостей и мелочей, о которых нельзя забыть. Словом, большая головная боль. Работа огромная и часто не - благодарная. Я как-то из любопытства спросил, для чего ему это все. Ответ запомнил:*

*-Я приглашаю только тех, с кем очень бы хотел сам поговорить. Просто мне интересно их послушать. Люди интересные. Много знают. Просто позвать в гости, отнять у человека время... Неловко. А так человек приходит... 40 -50 человек его ждут, слушают, разговаривают. Совсем другое дело.*

*-Ну а как ты приглашаешь? Здравсте, я ваша тетья?*

*- Звоню или пишу. Здравствуйте! Я Аркадий Бурштейн. Автор “Реальности мифа”. Многие знают или слышали...*

*Тридцать лет назад, когда книга была забракована, Аркадий дал себе зарок ничего не предпринимать для ее издания. Дескать, если понадобится, люди ее найдут.*

*Аркашина книга лежит на моем столе. В мягком переплете. Подписана автором: “Серее Воронину с благодарностью за дружбу. 06.06.2015»*

*Аркаша, Дорогой! Алаверды.*

*А помнишь, ты мне позвонил: Поехали к Брусиловским. Приехал Миша Шаевич. Это наш свердловский всемирно - знаменитый художник! Может, захочешь про него кино снять? Я встретил удивительного человека. Целый год мы общались взахлеб... И я снял фильм “Этот Миша Брусиловский”. Когда наступит мой час, мне будет, что предъявить.*

*А помнишь, ты сказал: Поехали снимать Йона Дегена, что - то он плохо слышится по телефону. Мы вдвоем поехали, он нам читал стихи, рассказывал о разном. Это была последняя его съемка.*

*Аркаша, дорогой! С Днем рождения! Спасибо за то, что ты есть. Спасибо за дружбу. Единственное о чем я жалею, что мы не встретились лет тридцать пять-сорок назад. Вот бы мы с тобой замутили...*

## ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Бывает ли послесловие после чужих текстов? Наверное, я нарушаю все каноны, но, честное слово, не потому, что я такой неисправимый нарушитель. Просто Серёжино письмо не оставило мне ни малейшей возможности не откликнуться.

Во-первых, половина фотографий точно сделана Серёжей Ворониным. А во-вторых, невозможно не откликнуться на кодовые имена: Миша Брусилковский и Ион Деген.

Я не собираюсь повторять то, что писала об этих людях в эссе. Просто меня очень тронули (и были абсолютно понятны) слова Серёжи:

«Когда наступит мой час, мне будет, что предъявить».

Уж не знаю, что буду предъявлять я и будет ли это принято ТАМ, но то, что в доме Лёни Маноле и Вали Брусиловской мы слушали мудреца Мишу Шаевича Брусилковского, - это как медаль. Так и восприняла фото в овальной рамке, выполненной Серёжей Ворониным.

Но такие медали, благодаря Аркадию, получили многие. Я не одна чувствую себя почти Брежневым – по количеству. Но по качеству наши куда весомее...

Больше половины моих эссе написаны после встреч, которые организовал Аркадий Бурштейн в мастерской Миши Рапопорта.

Это «намоленное» место до корона-вируса был домом для тех, кто приходил в клуб «Дон Кихот». Если перечислять все встречи, придётся названиями заполнить несколько страниц. Я решила поместить хотя бы фотографии, которые сохранились с этих встреч. Увы, их меньше, чем хотелось бы.

Аркадий! Прости, если не все медали нашлись, все они по праву – твои.

29.09.2020

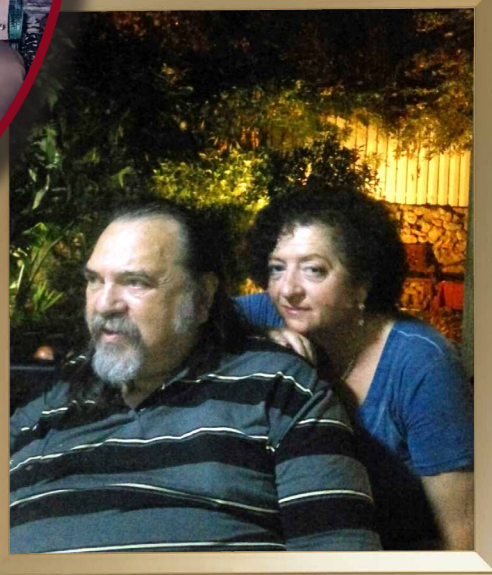


# ТВОЯ СЕМЬЯ – ТВОЁ БОГАТСТВО

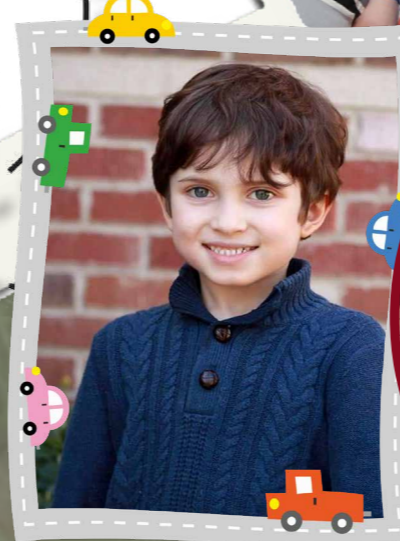
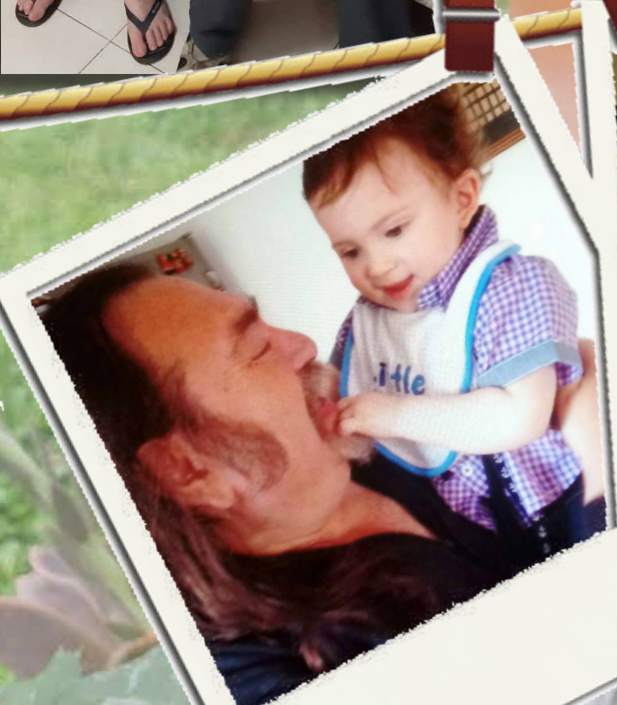
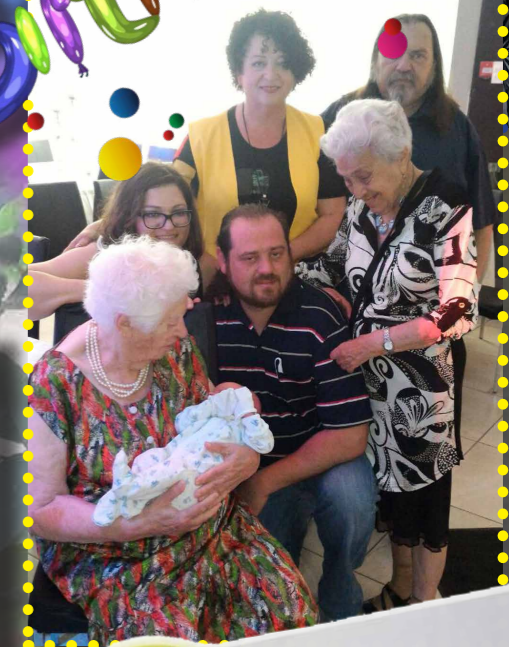


# Family

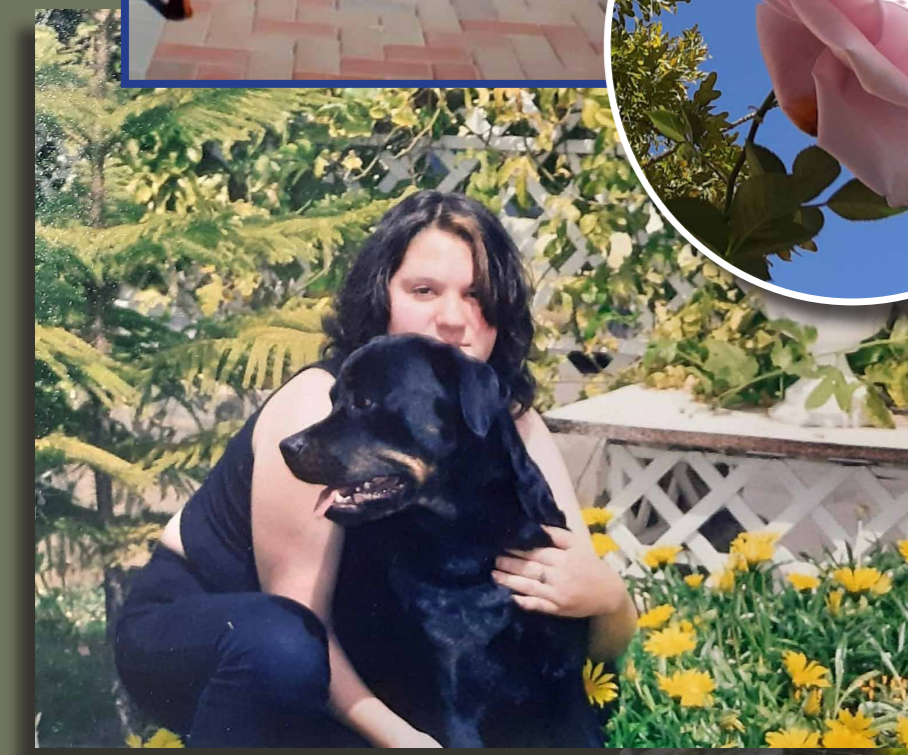
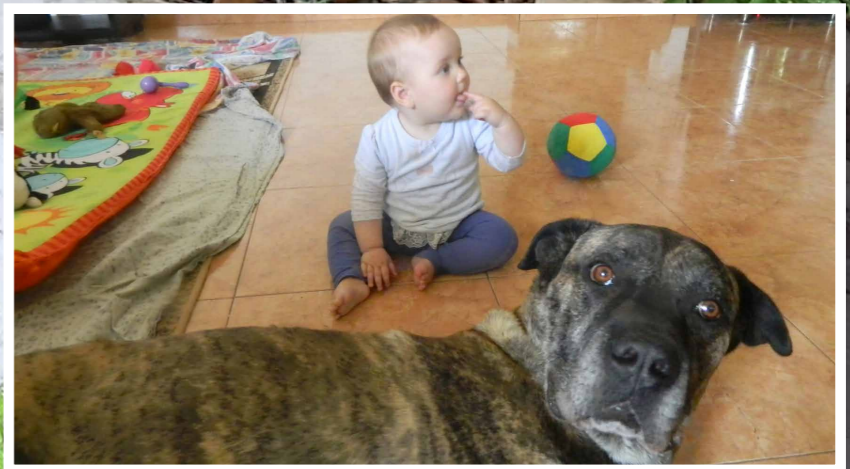
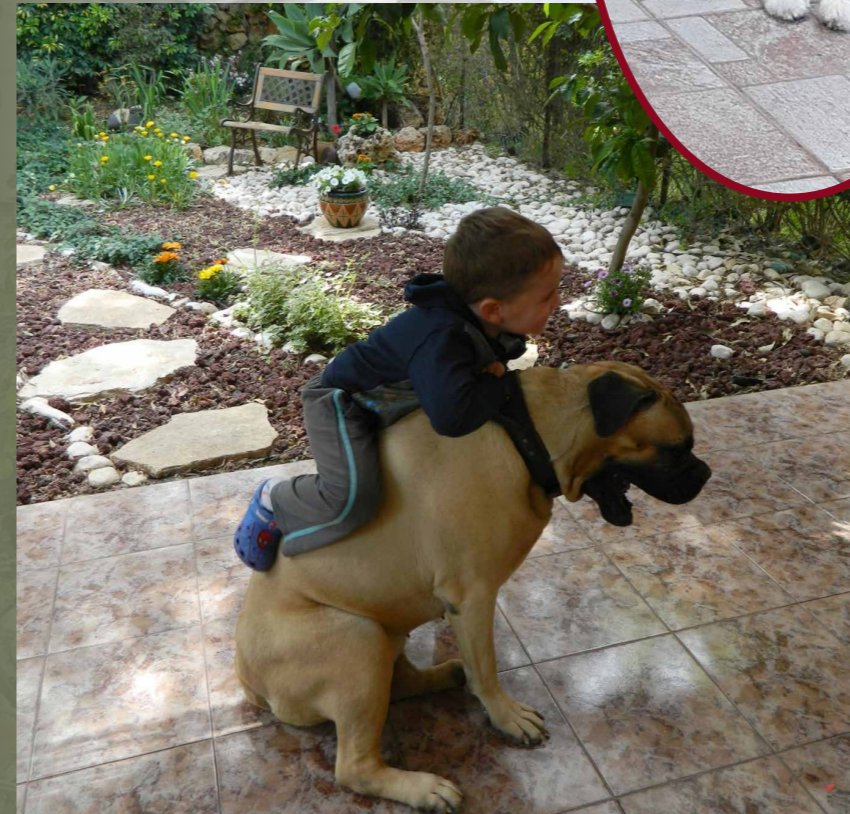
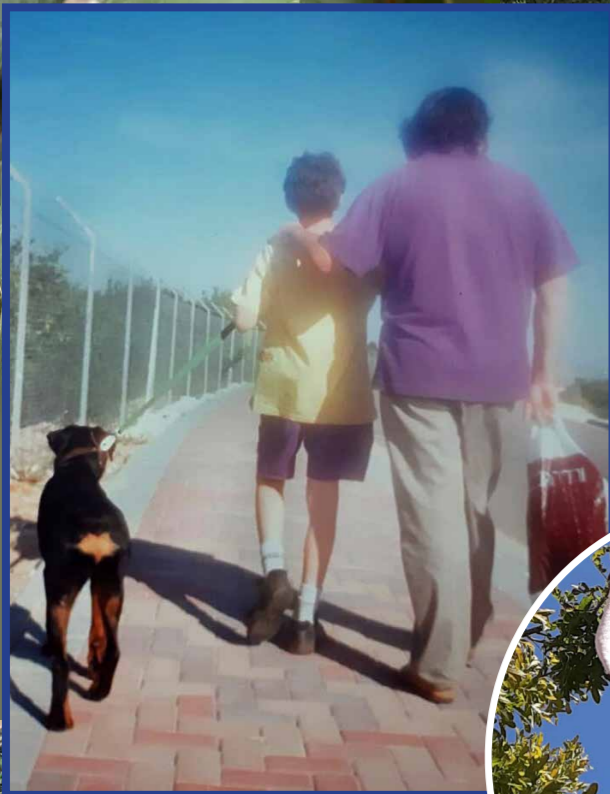
IS FOREVER

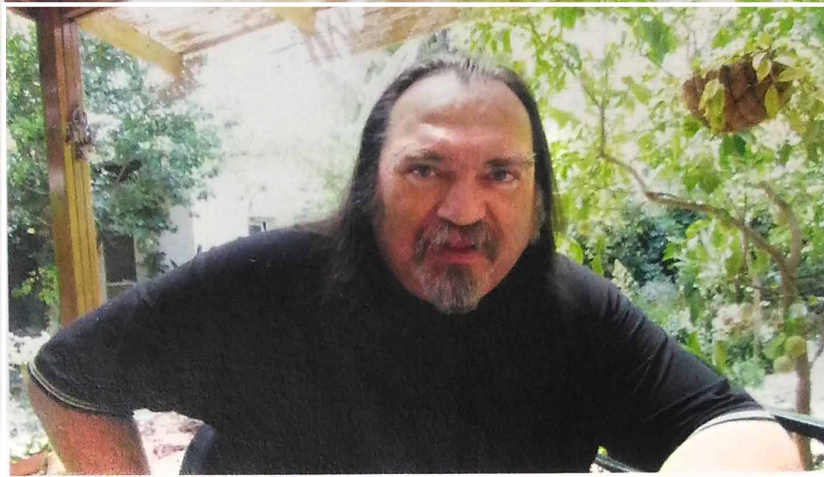


FAMILY TIME!



Собачий вальс  
под оркестр Бурштейнов





Первое полное издание работ Аркадия Бурштейна — филолога, культуролога, специалиста по мифологии и древним культурам. «Реальность мифа» показывает исходный синкретизм поэзии, религии, мифа — на основе этих идей Бурштейном была разработана уникальная методика анализа художественного (а также и любого иного) текста. Последующие эссе и фрагменты из переписки с друзьями демонстрируют практику применения данной методики к различному литературному материалу и читаются с не меньшим интересом, чем художественные произведения: реализуется требование Э. Барта к тексту — доставлять удовольствие читателю. Для специалистов-филологов и культурологов, а также людей любящих читать хорошую литературу.

Художественное оформление: Ольга Прейгер